

НА ВОЙНЕ
КАК НА ВОЙНЕ

Проза Великой Победы

Виктор Курочкин

На войне как на войне

«ВЕЧЕ»

1961, 1965, 1968

Курочкин В. А.

На войне как на войне / В. А. Курочкин — «ВЕЧЕ», 1961, 1965, 1968 — (Проза Великой Победы)

ISBN 978-5-4484-8290-8

Русский писатель и сценарист Виктор Курочкин (1923–1976) хорошо известен благодаря своим искренним и пронзительным произведениям о Великой Отечественной войне. Суровая правда его фронтовых историй всегда смягчается романтикой подвига и юмором, спасавшим людей в нечеловеческих условиях военного времени. Представленные в сборнике повести «Железный дождь» и «На войне как на войне» входят в золотой фонд русской литературы и кинематографа.

ISBN 978-5-4484-8290-8

© Курочкин В. А., 1961, 1965, 1968

© ВЕЧЕ, 1961, 1965, 1968

Содержание

На войне как на войне	6
Товарищи офицеры	6
На войне как на войне	18
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Виктор Курочкин

На войне как на войне

© Курочкин В.А., наследники, 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

На войне как на войне

Товарищи офицеры

В казарме полумрак. Освещен только проход между каптерками четырнадцатой и шестнадцатой батарей. А там, где деревянные двухъярусные нары, – непроглядная темень. У входа, около тумбочки, стоит дневальный. Он в полном вооружении: через плечо у него противогаз и на ремне винтовочный штык.

В противоположном конце казармы на табуретке сидит, как пес на цепи, железный бачок с водой и алюминиевая кружка... Между дневальным и бачком прогуливается дежурный четырнадцатой батареи младший сержант Теленков... Стук каблуков о цементный пол вязнет в спертom воздухе казарменного помещения и приглушенном говоре курсантов. Они только что вернулись из учебных классов, где занимались самоподготовкой. Курсанты четырнадцатой батареи уже неделя как сдали экзамены, со дня на день ждали приказа о присвоении офицерских званий и отправки на фронт... Но приказ командующего Приволжским округом неизвестно по каким причинам задерживался, и батарею ежедневно привлекали на разные хозяйственные работы, а если работ случайно не было, весь день занимались самоподготовкой... Поэтому нетрудно представить, что это были за самоподготовки... До ужина еще больше часа, курсанту, без пяти минут офицеру, совершенно нечего делать, от болтовни язык устал на самоподготовке. Курсанты сидят на койках и с нетерпением ждут команды: «Выходи строиться на ужин».

Теленков, подойдя к дневальному, круто повернулся и, громко стуча каблуками, подошел к бачку, сквозь стиснутые зубы отсчитывая шаги. «Раз, два, три... – двадцать четыре», – насчитал он. У бачка он так же круто повернулся и опять стал считать, но в обратном порядке: «Двадцать четыре, двадцать три, двадцать два...» Когда он уперся в тумбочку дневального, в запасе у него осталось еще три шага... «Что за чертовщина?» – подумал Теленков и, поправив на боку противогаз, мрачно посмотрел на дневального.

– Стоишь?

– Стою, – ответил дневальный.

Понурый ответ дневального почему-то обидел дежурного.

– А как стоишь?

Дневальный посмотрел на сапоги, поправил штык на поясе и, виновато улыбнувшись, посмотрел на своего непосредственного начальника.

– Чего лыбишься? – обозлился Теленков. – Посмотри на свой вид. Подпоясался, как баба брюхатая... Подтяни живот.

Дневальный туго затянул ремнем живот, но от этого вид его не стал лучше. Живот пропал, зато выше ремня появился пузырь. Теленков сокрушенно покачал головой.

– Э-эх ты... а еще без пяти минут офицер, – он нагнулся и сильно дернул полу шинели... Дневальный едва устоял на ногах.

– Вот так! – сказал Теленков и, довольный собой, четко чеканя шаг, пошел к бачку. На полпути остановился и, резко сдвинув рукав гимнастерки, посмотрел на руку сердито и сплюнул. Часы он уже три месяца назад как продал на рынке и деньги давно уже прокутил и проел. И до сих пор никак не мог отвыкнуть от привычки поминутно смотреть на руку.

– Птоломей! – крикнул он.

– Чего? – густым басом отозвался Птоломей.

– Сколько на твоих?

– Еще рано...

– Сколько?

Из прохода между нарами показалась плешивая голова Птолемея... За головой туловище с широченными плечами, а потом и короткие ноги в кирзовых сапогах...

– Без двадцати восемь, – сказал Птоломей. Широко зевнул и потянулся.

Настоящая фамилия у Птолемея – Юдин. Кличку Птоломей он получил, как только появился в училище. И не столько за свой вид, сколько за свои причуды. В первые дни учебы вместо уставов и наставлений он читал на занятиях Спенсера с Гегелем. Сперва ему за это дали пять суток простого ареста, потом десять – строгого. Но «губа» не отучила его от страсти к философии. И тогда Юдину категорически было запрещено выдавать в библиотеке книги. Жадный до книг, он набросился на уставы, учебники и в конце концов изучил их в совершенстве и лучше всех сдал выпускные экзамены... И теперь ему разрешили брать в библиотеке все что его душе угодно.

– Что это у тебя? – спросил Теленков.

– Это? – Птоломей постучал по книге пальцем. – Плутарх... Ты, наверное, и не слышал про такого? – Последние слова словно хлыстом стегнули Теленкова.

– Ну уж, конечно, не слышал... Только ты один все знаешь, – злобно выдавил Теленков и, не дожидаясь очередного вопроса Птолемея, который бы обязательно спросил: «Ну и кто такой Плутарх?», а он действительно даже и не слышал про Плутарха, повернулся и быстро пошел. К счастью, по пути ему встретилась дверь с надписью «Красный уголок». Он толкнул ее. Красный уголок – довольно-таки просторная комната – представляла собой неплохое место для отдыха. Длинный стол под красным сукном. На нем газеты, журналы... Пианино... Мягкие стулья. Карта во всю стену с красными и синими флажками на булавках, обозначающими линию фронта.

Но странно, курсанты почему-то редко сюда заходили... А больше предпочитали отсиживаться на койках... И сейчас в комнате отдыха было двое, курсанты из четырнадцатой батареи: Задуйсвечка и Саня Малешкин. Задуйсвечка пальцем отстукивал на пианино: «Папа дома, мамы нет...» А Малешкин мерил пальцами, сколько километров осталось до Берлина.

– Что, Малешкин? Боишься, что без тебя до Берлина дойдут? – спросил Теленков.

– А пока мы тут сидим, и дойдут... От Курска до фашистского логова осталось – раз плюнуть, – наивно ответил Саня. – И какого черта мы тут сидим?... Кончили учиться, сдали экзамены... А там без нас и войну прикончат.

Теленков с удивлением посмотрел на Малешкина.

– Тебе так хочется воевать?

– Не так чтобы хочется... А как-то неудобно явиться домой, не побывав на фронте.

Теленков ничего сказать в ответ не успел.

– Дежурный, к выходу! – закричал дневальный.

Теленков, машинально обдернув гимнастерку, выбежал из комнаты...

– Товарищ капитан, дневальный по четырнадцатой батарее курсант Загнишеев, – докладывал дневальный.

Теленков щелкнул каблуками и, приложив руку к шапке, громко доложил, что он дежурный, что в роте все в порядке и они готовятся к ужину.

Командир четырнадцатой батареи капитан Лобарев сказал «вольно» и торопливо прошел в каптерку. Теленков командовал батарее «вольно». Впрочем, никто и не подумал встать по стойке «смирно». Все сидели на койках... И кое-кто посапывал... Тут же сидел и помкомвзвода Медведев... Курсанты Сачков и Васин потихоньку переругивались из-за щепотки табаку... Сачков упрекал Васина в неблагодарности...

– Помнишь, – говорил он вполголоса, – когда я получил посылку, то ты целую неделю курил мою махорку... Какая махорка была!.. – Сачков почмокал губами, что, вероятно, означало: какая вкусная была махорка!..

– Откуда всю неделю? – оправдывался Васин. – Всего раза три-четыре дал...

– Три-четыре, – передразнил Сачков, – бесчестный подлец ты, Васин.

– Кто, я подлец? – вскричал Васин.

Помкомвзвода поднял с подушки голову и равнодушно спросил:

– Чего орешь? А?

Васин съезжился и пробормотал:

– Виноват, товарищ сержант.

– Ну то-то! – многозначительно произнес Медведев и опять уронил голову на подушку.

Васину явно не хотелось перед присвоением звания портить взаимоотношения с начальством. «Возьмет да еще капнет куда надо», – подумал он. Однако Сачков не сдался. Он решил во что бы то ни стало, даже ценой унижения, выпросить у жмота Васина щепотку махорки... Теленков, прислонившись к столбу, стал ждать, чем же все это кончится...

– Васин, – начал Сачков, – договоримся так: ты мне дашь табачку на четыре сигарки, а я тебе – сегодняшний компот. Идет?

– Две, – ответил Васин и положил на две сигарки.

– Компот на две сигарки? – искренне изумился Сачков. – Что я, малахольный?

Теленков не дождался окончания торга... Он заметил, что ефрейтор Крамаренко боязливо оглянулся и потом быстро сунул руку под матрас, покопался там и что-то вытащил в зажатом кулаке. Пашка в ту же секунду вспомнил, что вчера Крамаренко получил посылку... «Наверное, что-то вкусное», – сообразил он, подойдя к Крамаренко, сел на край кровати и молча протянул руку.

– Чего тебе? – шепотом спросил Крамаренко.

– Цыкни, – шепотом ответил Теленков.

– Катись ты, – прошипел Крамаренко.

– Цыкни... А то вслух просить буду, – пригрозил Теленков.

– На... Только молчи... – И Крамаренко высыпал в руку дежурного щепотки две изюмин.

Пашка посмотрел на изюм и вздохнул. Сейчас бы за раз он съел, не пикнув, пуд изюма. А здесь всего – щепоть... Он выбрал самую тощую ягодку и положил на язык, погонял ее во рту и, поймав на зуб, раздавил. И стал медленно жевать.

Васин с Сачковым договорились... Васин в конце концов купил стакан компота за две щепотки табаку, третью они решили сейчас же раскурить вдвоем. Сели, ударили по рукам и, обнявшись, поплелись в уборную.

– Идиоты, – бросил им вслед Теленков.

Павел не заметил, как в ладони не осталось ни одной изюминки.

Крамаренко, уткнувшись носом в подушку, смачно жевал.

«Вот жрет, свинья, – подумал Пашка, подумал без злобы, но с огромной завистью. – Попросить, что ли, еще?» – но просить не стал, а отправился в уборную.

Васин докурил сигарку и умышленно бросил мимо урны на пол. Теленков как дежурный обязан был взять разгильдяя на карандаш и доложить о безобразии курсанта старшине Горышину, но он только сказал: «Ну и скотина же ты, Васин», – и плюнул.

Сачков сидел на подоконнике и курил. Рука, в которой он держал окурок, была заголена по локоть, и на локте отчетливо выделялся розовый рубец раны... Сачков попал в училище из госпиталя. И первые дни в училище ходил с засученным рукавом, тем самым доказывая мелюзге вроде Васина, Теленкова, Малешкина и прочих, что они перед фронтовиком белогубая салага. Но после того как Птоломей, у которого были насквозь прострелены обе щеки, грубо высмеял его, Сачков только изредка закатывал рукав гимнастерки. Пашка, подавив усмешку, сказал:

– А здорово тебя, Сачков, клюнуло... Где?

– Под Вязьмой, – живо отозвался Сачков и, боясь, что его не будут слушать, стал торопливо рассказывать, какие были бои под Вязьмой.

– Ладно, ладно, сто раз слышал, – перебил его Пашка и протянул руку: «Дай-ка я брошу». Сачков жадно стал глотать дым, так что сигарка вспыхнула синим пламенем и обожгла ему пальцы. Сачков, погасив огонь, протянул Пашке окурочек – жалкий и обсосанный, в котором табаку-то осталось всего на ползатяжки... Теленков сердито швырнул окурочек в унитаз и, чтобы на ком-нибудь сорвать злость, уставился на Васина.

– А я ведь, Васин, капну Горышичу. – Старшину Горышина в батарее звали Горышичем. – Перед присвоением званий это будет в самый раз.

– Ну и капай, – сказал Васин и, как больная собака, уставился в угол.

На Теленкова словно с небес свалилось вдохновение, и он принялся поучать Васина по всем правилам устава.

– Чему же ты, Васин, без трех минут офицер, будешь учить своих солдат, если ты сам за время пребывания в училище не научился соблюдать чистоту в уборной... А? Что же ты молчишь?

Васин поднял на Теленкова глаза, в них столько было боли, обиды и страха, что Теленкову стало жалко парня. Но он, подавив в себе жалость, монотонно, не повышая и не понижая тона, как это делал Горышин, продолжал наставлять:

– Вот ты, Васин, полтора часа провалялся на нарах в ожидании ужина. Палец о палец не стукнул, чтоб позаботиться о своем самоусовершенствовании. Что должен был бы дисциплинированный курсант – выпускник офицерского училища делать? А? Не знаешь?.. Читать устав. Надо всегда помнить, курсант Васин, об уставе. Ложиться спать – читать устав, и поутру, от сна восстав, – опять читать усиленно устав... А ты что за это время, за полтора часа, сделал? Ничего. Окурочек бросил на пол?.. Великое дело сотворил. Родила гора мышь...

– Ну хватит, товарищ сержант, – простонал Васин.

– Что хватит, курсант Васин? – закричал Теленков. – Как стоишь, разгильдяй?.. Встать! Руки по швам!

Васин вытянулся. Губы у него дрожали.

– Вы все поняли, Васин? – растягивая слова, грозно спросил Теленков.

– Так точно, товарищ сержант, – отчеканил Васин и, опустив голову, пробормотал: – Простите, больше не буду.

– Хорошо, на первый раз прощаю... Дай-ка закурить.

Васин торопливо вытащил из кармана кисет и всыпал в руку Теленкова чуть ли не горсть махорки.

– И ему тоже, – Теленков кивнул головой на Сачкова.

– Ну это уж дудки! – сказал Васин. Показал Сачкову кулак и пошел. Но у двери остановился, покачал головой.

– Ну и ловкачи же вы!..

Сачков с Теленковым захохотали.

– Таких жмотов, как Васин, наверное, во всем училище не сыскать, – сказал Сачков.

– А я любого жмота распялю до самой... Подход надо иметь к человеку, курсант Сачков... – И Теленков снисходительно похлопал Сачкова по плечу. Сачков, который был в два раза старше Теленкова, принял доверительность дежурного, как пряник...

Теленков вышел из уборной и увидел, что у дневального из рукава шинели, как из трубы, валил дым... Это уж было из ряда вон. На посту – курить!

– Ты что, Загнишеев?.. – Теленков выразительно постучал ему по лбу согнутым пальцем.

– А кто видит-то! – огрызнулся Загнишеев.

– Прекрати, идиот... Ты что, хочешь, чтоб Горышич нас снял с наряда?

Загнишеев поспешил палец, аккуратно затушил сигарку и глубоко запрятал ее в карман...

Теленков прошелся еще три раза от бачка до тумбочки, постоял у окна, посмотрел на темный двор казармы. Одинокая лампочка на столбе качалась, и по мокрой траве скользило желтое маслянистое пятно.

«Боже мой, какая тоска! Хоть бы поскорее на фронт! – подумал Пашка. – Если будут оставлять в училище командиром учебного взвода... Ни за что! В ноги брошусь генералу, чтоб отпустили на фронт...»

Дело в том, что фамилия Теленкова все эти месяцы висела в главном учебном корпусе на Доске почета. И в довершение всего он экзамены сдал на пятерки... Командир батареи Лобарев весьма прозрачно давал ему понять, что он может быть оставлен в училище в должности командира учебного взвода... Размышления Теленкова прервал голос Птоломея:

– Дежурный, время!

– Сколько? – спросил Теленков.

– Без пяти восемь...

И в ту же минуту закричал дежурный по соседней батарее.

– Пятнадцатая! Строиться на ужин!

– Шестнадцатая, выходи строиться!

Теленков, набрав в легкие воздуха, рявкнул:

– Четырнадцатая батарея! Выходи строиться!

Четырнадцатая батарея давно ждала этой самой родной команды. Курсанты соскакивали с нар, на ходу подпоясывались ремнями и уже в строю застегивали воротнички.

– Подравняйся! – командовал Теленков. – Смирно! – И, одернув гимнастерку, резко печатая шаг, пошел в каптерку – доложить Горышичу, что рота построена на ужин.

Через минуту из каптерки вышел сутулый Горышич в своей неизменной фуражке, полинявшей до неопределимого цвета, которая держалась не на голове, а на огромных ушах.

Пройдя туда и обратно строй, сумрачно глядя исподлобья, Горышич остановился на правом фланге и совершенно равнодушно, лениво протянул:

– А у Малешкина опять пилотка задом наперед... Куда только смотрят дежурный и помкомвзвода?

Горышич выпятил грудь и проскрипел:

– Сержант Теленков, распустить батарею.

– Разойдись! – рявкнул Теленков.

Батарея разошлась... Мимо, громко стуча по цементному полу сапогами, пошли на ужин шестнадцатая, за ней пятнадцатая...

– Батарея! Становись! – скомандовал Теленков.

Батарея торопливо строилась, выравнивая носки, Пашка сбоку следил за равнением.

– Зайцев, куда вылез? – крикнул он... Сделать Зайцеву замечание было самое приятное для Теленкова... Этого курсанта он терпеть не мог за его зазнайство и злые насмешки над теми, кто был его слабей... Теленков подал команду «смирно» и доложил старшине, что рота выстроена для следования в столовую на ужин.

– Напра-во! – скомандовал Горышич.

Рота повернулась направо и, как показалось Теленкову, безукоризненно. По крайней мере, придраться было совершенно не к чему. Но Горышич подал команду «отставить» и, подойдя к самому длинному и толстому курсанту Колупаеву, очень нежно и ласково сказал:

– Мешок с добром.

Батарея грохнула...

– Почему смех? – искренне удивился Горышич. – Над кем смеетесь? – заговорил он словами гоголевского городничего. – Над собой смеетесь... Смирно! Напра-во!

Шеренга качнулась и громынула сапогами...

– Отставить! – рявкнул Горышич. – Где щелчок? Я спрашиваю вас, где четкий щелчок?

У Теленкова сжались кулаки. «Ну и Змей Горыныч!.. Хлебом не корми, только дай поизмываться над курсантом». Он вплотную подошел к Горышину и лихо козырнул:

– Товарищ старшина... Батарея опаздывает...

Горышич посмотрел на него и махнул рукой.

– Командуйте, Теленков... А мне и смотреть-то на вас не хочется.

От казармы до столовой – с полкилометра. Расстояние за время учебы вымеряно солдатскими сапогами с предельной точностью. Теленков вывел батарею на улицу, подал команду «подтянись» и оглянулся назад. Горышич стоял в дверях казармы, широко расставив ноги... Батарея миновала КПП и бодро зашагала по хорошо укатанной дороге. Казалось, ничто ее теперь не остановит... Но в это время сбоку раздался ехидный голос Горышича:

– А где песня?

Когда он успел догнать батарею?! Впрочем, неожиданные появления Горышича тогда, когда его совершенно не ожидали, всегда для батареи были загадкой.

– А где песня? – повторил Горышич.

– Запевай! – крикнул Теленков.

Батарея продолжала идти, почти вдвое сократив шаг... Теперь она рубила шагами как на параде.

– Запевай, – повторил Павел. – Наценко!

Однако Наценко не ответил: «Есть, запевай». Запевалы вообще не было в строю... Старшина остановил батарею.

– Сержант Медведев, где Наценко? – спросил Горышич.

Помощник командира взвода пожал плечами.

– Не знаю...

Единственно, кто знал, где Наценко, так это Медведев... Сразу же после самоподготовки он отпустил запевалу к милой на свидание... За это Наценко разрешил ему съесть свой ужин. Старшина вынул из кармана книжицу в лиловом переплете и записал в ней: «Наценко в самоволке».

Теленков скомандовал: «Равняйся, смирно! Шагом марш!»

Шагов тридцать прошли спокойно.

– Батарея, стой! – неожиданно рявкнул Горышич. Батарея словно споткнулась... Левофланговый Малешкин носом ткнулся в спину Васина и только поэтому не упал. Старшина приказал Теленкову встать в строй и зычно скомандовал:

– Батарея, на месте шагом марш!

Батарея тяжело и ритмично топтала землю.

– Запевай!..

Курсанты молчали, тяжело и ритмично громыхая сапогами...

– Правое плечо вперед, арш!

Батарея повернула назад к казарме. Послышался возмущенный ропот...

– Разговорчики!.. – прикрикнул старшина. – Запевай!

Теленков кашлянул и закричал пронзительно, не своим голосом:

– Не забыть нам годы огневые и привалы у костра...

Он не успел и передохнуть, как батарея дружно и оглушительно подхватила:

– Завивая в кольца голубые дым махорки у костра...

Горышич отдал команду: «Левое плечо вперед, потом – прямо».

И Павел почувствовал, как идти стало легко и весело.

– Эх, махорочка-махорка, породнились мы с тобой, – ревела батарея. И рев ее уже пугал притихшие вечерние улицы города. Проходившие люди останавливались и, пораженные, долго смотрели вслед. Теленков, гордо закинув голову, еще громче выводил:

– Как письмо получишь от любимой... – В эту минуту он презирал всех этих штатских, выше военной службы для него ничего не было. Он гордился собой, своими ребятами, тем, что поют они прекрасно; если бы можно, он крикнул бы тому старику в шляпе, что стоит на панели:

– Смотри, какие молодцы, а ты, старый гриб, даже недостойн сапога нашего старшины...

Батарея подошла к столовой и до тех пор маршировала на месте, пока не кончилась песня...

Столовая – просторное, чистое помещение с шелковыми шторами на окнах, пальмами и столиками на четверых... Вся батарея была разбита на четверки... В четверку Теленкова входили Птоломей, курсант Баранов и Саня Малешкин. Ужин уже был на столах... Птоломей взял хлеб, разрезал его на четыре части с точностью до миллиграмма. Однако Теленкову горбушка показалась толще, чем остальные куски.

– Санька, отвернись, – сказал Птоломей. Малешкин отвернулся.

– Кому? – спросил Птоломей и взял в руки горбушку.

– Мне, – сказал Саня.

– Кому?

– Тебе...

– Кому?

– Баранову...

Четвертый кусок взял Теленков. И он ему почему-то показался самым мизерным. Это обидело Теленкова. Он схватил миску с пшенной кашей и стал ее раскладывать по тарелкам. Он старался быть до предельности объективным. Видимо, поэтому он и обделил себя кашей. Но никто против этого не возразил... Теленков, обжигаясь, глотал кашу и думал: «Видят же, что у меня меньше всех... И никто – ни слова. А если бы Птоломею досталась моя порция? Какой бы вой он поднял!..» Он покосился на Птоломея. Птоломей, раскрошив хлеб, смешал его с кашей, сверху полил кипятком и круто посолил. Теленкову стало смешно.

– Что это значит, Птоломей? – спросил он.

– Самообман, – невозмутимо ответил Птоломей.

После каши хлебали жидкий чай до полного удовлетворения. Теленков опорожнил две пол-литровых кружки.

У двери стоял Горышич и терпеливо ждал, когда его питомцы закончат это чаепитие. В руках у него была записная книжка.

– Встать, выходи строиться! – скомандовал Горышич. Малешкин вытащил из-под себя пилотку, на которой он сидел, и вскочил. Горышич ухмыльнулся, раскрыл свой клязник и что-то черкнул карандашом.

– Засек, – сказал Теленков и толкнул Малешкина локтем.

– Ну да?!

– Точно, – подтвердил Птоломей.

Из столовой возвращались тоже строем, но без песен... От ужина до вечерней поверки полтора часа. Чтoб убить их, надо иметь недюжинные способности. Половина батареи сразу же направляется в уборную курить... Часть курсантов парочками, обнявшись, ходят по двору казармы и ведут душевные разговоры, в основном о жратве и о девочках.

– Эх, рубануть бы сейчас салыца с чесноком, – мечтательно тянет Васин, – и цены б нам с тобой тогда б, Сачков, не было.

– Да, – соглашается Сачков и смачно сплевывает.

– Сколько у нас дома этого сала было, – продолжает Васин, – целая бочка, ведер на двадцать...

– На двадцать?..

– Да, а что?

– Врешь...

Васин обиженно замолкает. Минут пять они молча шагают вдоль забора. Васин высвистывает «Землянку».

– Покурим? – спрашивает Сачков.

– Кто покурит, а кто и посмотрит, – в тон ему отвечает Васин.

В самом дальнем углу забора, на куче камней, сидят Баранов с Малешкиным. О чем бы разговор между курсантами ни велся, Баранов всегда переводил его на девочек. На свои любовные похождения, в которых он всегда был победителем... Это и дало повод Птолемею прозвать Баранова Сексуалом.

– Стою я раз часовым у дровяного склада, – рассказывает Сексуал... Сачков и Васин присаживаются. Баранов, не обращая на них внимания, продолжает: – Вдруг смотрю, идет штучка. Идет, что пишет. Закачаешься. «Стой!» – кричу. Идет... «Стой! Стрелять буду!» Я для виду щелкнул затвором. Остановилась... «Подойди!» – приказываю. Подошла. Глянул я на нее – и всего меня заколотило... Глаза – во. Фигурка – как тростинка. Пополам согнешь – не сломаешь. Эх, думаю, голубушка!..

– Что думаешь? – спросил Малешкин.

Баранов захохотал. Его смуглое с густыми бровями и на редкость длинными ресницами лицо сжалось от смеха в кулак. Сачков с Васиным посмотрели на Саню, хмыкнули и потом плюнули...

Теленков бесцельно бродил по двору казармы и поддевал носком сапога камешки. Услышав хохот Баранова, он поморщился. «Над чем это он потешается?» Он терпеть не мог красавчика Вальку Баранова. А ведь в первые дни учебы они были неразлучными друзьями. Разрыв произошел, как всегда, внезапно. Как-то Теленков пошел на свидание со своей девушкой и прихватил с собой друга – Баранова... Свидание кончилось тем, что Валька увел его девушку.

Теленков подошел вплотную к Баранову и грубо спросил:

– Опять пошлость расписываешь?..

Баранов нисколько не оскорбился.

– Нет, ты послушай, Теленков?! – воскликнул Валька, вытирая слезы. – Малешкин еще не знает – что, когда к нему пришла девка...

– А ты знаешь? – злобно выдавил Теленков.

– Как будто ты забыл, – усмехнулся Баранов.

Теленков поправил на поясе противогаз и сжал кулаки. Баранов поднялся, отступил на два шага назад и тоже сжал кулаки. Сачков с Васиным переглянулись и подмигнули друг другу, как бы говоря: «Сейчас будет дело». Малешкин испуганно переводил глаза то на Теленкова, то на Баранова. Дело в том, что оба парня ему очень нравились. Однако драка, к огорчению Сачкова и Васина, не состоялась.

– Сволочь ты, Баранов, и развратник грязный, – спокойно сказал Теленков и взял под руку Малешкина.

– Пошли, Саня.

Отойдя шагов пять, Теленков оглянулся... Баранов растерянно смотрел им вслед и чесал затылок.

– Почему ты так его, а? – спросил Саня.

– Не твое дело, – оборвал Малешкина Теленков.

У входа в казарму их догнал Баранов.

– Теленков, может, мы поговорим?

– О чем еще с тобой говорить?

– Давай все выясним... Только без свидетелей...

Малешкин поплелся в казарму, а Теленков и Баранов, касаясь друг друга локтями, медленно пошли к забору.

– Ну, о чем ты хотел говорить? – спросил Теленков.

Баранов ответил на вопрос вопросом:

– Что тебе от меня надо?

– Абсолютно ничего, – буркнул Теленков.

Баранов сдвинул к переносице темные густые брови.

– Тогда прекрати свои оскорбительные выпады.

– А разве они оскорбительны? – делано удивился Теленков. – А я-то думал, что тебя оскорбить невозможно.

Баранов грустно усмехнулся и покачал головой:

– Вот как?

– Да, именно так!

Баранов глубоко вздохнул и поднял на Теленкова глаза. В них не было ни злобы, ни насмешки, ничего, кроме просьбы.

– Павел, через дня два-три мы, наверное, расстанемся навсегда... Давай забудем все, что было между нами...

Теленков тупо смотрел в землю.

– Я знаю, – продолжал Баранов, – ты не можешь забыть тот дурацкий случай, когда я ушел с той девчонкой... Верно?

Валька Баранов попал в точку... Теленков промолчал. Баранов засмеялся.

– Так ее тоже от меня увели на второй день. И увел-то такой сопливый, курсант из пехотного училища...

Теленков не мог сдержаться, чтоб не улыбнуться. Баранов, видимо, расценил улыбку как шаг к примирению и протянул руку.

– Мир?!

Теленков машинально протянул было руку, но тотчас же отдернул, резко повернулся и побежал в казарму. В какой-то степени самолюбие его было удовлетворено, однако на примирение с Барановым он не пошел. «Одно дело увести девушку от незнакомого человека. Но от друга... Это подлость! Подлецу никогда не подам руки. А Баранов подлец... Последний подлец», – думал он.

Первым в казарме ему попался Наценко.

– Где ты был?

– А что? – испуганно спросил Наценко.

– Горышич засек...

– А мне плевать... Понимаешь? Плевать! – И Наценко стукнул себя по груди кулаком.

– А что ты на меня шумишь? – возмутился Павел. – Ты иди шуми у Горышича.

До вечерней поверки оставалось еще полчаса. Теленков зашел в красный уголок. За пианино сидел курсант Поздняков и наяривал «Настасью». Верзила Колупаев плясал... Плясал лениво, скучно, как будто выполнял никому не нужную работу. А Малешкин, облокотясь на спинку стула и положив на кулаки голову, смотрел на эту пляску закрытыми глазами.

– На похоронах веселей пляшут, – заметил Теленков.

Колупаев остановился, посмотрел на Теленкова:

– А пошел бы ты, дежурный... – и вдруг заревел: – Я бы Роде отворила... У меня сидит Гаврила!

И пошел на полусогнутых, приседая, и вдруг, подпрыгнув, перевернулся и так грохнул сапожищами, что звякнули стекла.

– Ничего, – сказал Теленков, – можешь... Цены б тебе, Колупаев, не было в ансамбле песни и пляски.

Колупаев глупо ухмыльнулся и подмигнул.

– А ты как думал!

В проходе между нарами второго и третьего взвода темно. Но это совершенно не мешает татарину Кугушеву. Он бреет на ощупь голову и что-то мурлычет себе под нос.

– Что это ты поешь, Кугушев? – спрашивает Теленков.

Кугушев, глядя ладонью плешь, вздыхает.

– Если б твоя знала, что моя поет, твоя б плакала, – говорит он.

Крамаренко по-прежнему, уткнувшись в подушку, жует кишмиш. Теленкову ужасно хочется есть. Но на этот раз совесть побеждает голод.

– Птоломей, сколько времени? – спрашивает он.

– Без пятнадцати...

Теленков вздыхает и направляется в уборную. Дневальный у тумбочки опять курит. Увидев дежурного, вытягивает руки по швам.

– А ну-ка! – И Теленков щелкает пальцами.

– Чего?

– Разговорчики!..

Дневальный нехотя отдает окурок. Павел глубоко затягивается и грозит пальцем.

– Еще раз увижу – сниму с наряда.

В уборной, на подоконнике, в окружении толпы курсантов сидит Валька Баранов. Рассказывает анекдоты. Анекдоты с бородой, все их знают наизусть, но все равно гогочут.

– Приготовиться к вечерней поверке, – рывкает Теленков.

Однако никто не обращает внимания. Теленков хлопает дверью и кричит:

– Четырнадцатая, выходи строиться!

Теленков зол на все: и на скуку, и на старшину, который нарочно назначил его дежурным, и на Баранова, а заодно и на себя.

– Подровнять носки, – кричит он.

Строй выравнивает носки.

– Колупаев, куда выпер живот?

Колупаев подается назад.

– Васин, выйди из строя и почисти сапоги.

Васин идет чистить сапоги. Обмахнув их пилоткой, становится в строй.

– Смирно! Отставить!.. Малешкин, поправь пилотку.

– Смирно!

Теленков бежит в каптерку и через минуту возвращается с Горышичем. Горышич медленно проходит вдоль строя, опустив глаза долу, и, остановившись на левом фланге, командует:

– Вольно.

По шеренге словно задели оглоблей. Она, вздрогнув, покачнулась.

– Намучились небось... Бай-бай хотите? – ласково спрашивает Горышич.

– Не хотим, – рывкает пятьдесят глоток.

– А чего же вы хотите? Небось танцульки вам подавай... Колупаев, хошь на танцы? – Четырнадцатая хохочет. Правофланговый Колупаев ржет как жеребец. – Вам смешно? – тем же тоном продолжает Горышич. – А чего ж вам не смеяться. Поели, попили, покурили... Как на курорте в Сочах... Старшина вас поднимает, три раза покушать сводит, спать уложит... А вы как относитесь к старшине?

– Хорошо! – рывкает четырнадцатая.

– Эх, хорошо... – ехидно тянет Горышич. – А Наценко небось думает: «Ну попадись ты мне, Горышич, на фронте!»

Наценко, закусив губу, опускает голову.

– Ишь застеснялся, голову опустил. Стыдно, да? А вот в самоволку ходить не стыдно?! – Старшина принимает стойку и зычно командует: – Курсант Наценко! Два шага вперед!

Наценко выходит из строя.

– За самовольный уход с территории училища объявляю двое суток ареста. Дежурный, после отбоя отобрать у Наценко ремень и поведешь на губу... Становись в строй, разгильдяй!

Наценко становится в строй. Лицо у него серее казарменной стены.

Горышич в глубокой задумчивости проходит с левого фланга на правый и, остановившись около Колупаева, берет его за пуговку.

– А вот и пуговку не начистил. Маленькую, крохотную пуговку... Такой здоровый парень... Кровь с молоком. И не хватило силы почистить. Да кому же ты такой нужен? Пуговку, малую пуговку не почистил... Нехорошо.

– Так точно, нехорошо, товарищ старшина, – орет Колупаев.

– Осознал?

– Так точно.

Горышич повернулся к Теленкову.

– Используй после отбоя... А я проверю.

Горышич потащился опять на левый фланг, но, дойдя только до середины, остановился. Горестно покачал головой.

– Как нянька Арина Родионовна, хлопочу я об вас... А вы как ко мне относитесь? Эх, не цените вы своего старшину.

– Ценим, – гаркает батарея.

– И Малешкин ценит? – спрашивает старшина и ехидно прищуривается.

– Ценю, товарищ старшина, – кричит Малешкин.

– А зачем в столовой на пилотке сидел? Не стыдно?

Пухлые губы Малешкина выпятились и затрепыхались.

– Эх, – сказал Горышич и поманил пальцем дежурного. – Чтоб Малешкин уборную языком вылизал... – Он посмотрел на часы, вынул из кармана список батареи.

– Афонин?

– Я! – крикнул Афонин.

– Бирулин?

– Я!

Последним «я» крикнул Птоломей... После поверки Горышич сообщил курсантам приятную, как он выразился, весть, что с утра, сразу же после завтрака, четырнадцатая батарея с песнями отправится в подсобное хозяйство. Первый и второй взвод – полоть просо; третий и четвертый – строить свинарники.

Эта весть обрадовала только дежурного и его дневальных. Остальные в душе обозвали старшину Змеем Горынычем...

После поверки четырнадцатая с песнями пошла на вечернюю прогулку. Пока обошли вокруг училища, успели проорать не только «Махорочку», но еще и «Катюшу» с «Тачанкой».

После команды «разойдись» Теленков прокричал «отбой». Рота с мрачными солеными солдатскими шутками отходила ко сну. Теленков, дав задание штрафникам: Колупаеву – вымыть пол в казарме, а Малешкину – уборную, повел Наценко на гауптвахту. Когда Теленков вернулся в казарму, Колупаев в одних трусах все еще надраивал каменные плиты. Все тело его было густо татуировано. На спине огромная змея сосала женскую грудь. На руках тоже извивались змеи. А на груди – объявление в рамке с виньетками: «Не забуду брата Володю, который утонул в Амуре».

«Вот ведь как он себя испохабил», – отметил про себя Теленков и спросил:

– Колупаев, ты сибиряк?

– Точно, – ответил Колупаев, обмакнул в ведро щетку и резко встряхнул. Теленков смахнул с лица грязные брызги. «Нарочно», – решил Теленков, но, ничего не сказав, вышел в уборную. Малешкин только что вычистил краны умывальников и теперь набирал в ведро воды, чтобы мыть пол. Теленков сел на подоконник, закурил и стал наблюдать за Малешкиным. Тот искал тряпку, не найдя ее, подошел к дежурному и спросил:

– А где тряпку взять?

– А зачем она тебе? – простодушно спросил Теленков.

– Как зачем? Пол мыть...

Это окончательно развеселило дежурного.

– Вот чудак. Целый год в армии служит и ничему не научился... А ну-ка, дай ведро... – Он схватил ведро и, размахнувшись, разлил воду.

– Ясно, как надо?

Малешкину совершенно не было ясно.

– Ну чего смотришь? – закричал Теленков. – Отправляйся спать, недотепа.

Колупаеву же Теленков решил отомстить. Когда тот честно вымыл казарму, дежурный еще заставил его вымыть ведро и натаскать в бачок воды...

Четырнадцатая батарея вовсю храпела, сопела, а кое-кто и повизгивал во сне. Теленков, заткнув уши пальцами, ходил по казарме и считал каменные плиты. Он был раздражен. Даже дежурство, которое избавляло его от завтрашнего марша в подсобное хозяйство, не радовало.

Сразу же после завтрака четырнадцатая с песнями отправилась полоть просо и строить свинарники. Пятнадцать километров... Дорога знакомая, хорошо утоптанная... Однако на вторую половину пути песен не хватило. В километре от подсобного хозяйства третий взвод свернул на просяное поле, а четвертый продолжал движение прямо к свинарникам. Свинарники строили из хвороста, глины и навоза. Два уже были готовы, у третьего надо было засыпать стены землей и залепить их глиной с навозом. Этой-то работой и должен был заняться четвертый взвод сержанта Медведева.

Сначала перекурили... Перекуривали не мало, да и не слишком долго, а так, около часа. Потом Медведев начал распределять, кому что делать... Сане Малешкину досталось месить глину.

– Начинай, – отдал команду помкомвзвода.

– А где лопаты? – наивно спросил Саня.

Лопат не оказалось. И Медведев снарядил на поиски их Баранова с двумя курсантами. Они ходили за ними подозрительно долго. Наконец они все-таки принесли лопаты. Но работать так и не пришлось в этот день. Только взялись за лопаты, как прибежал солдат и сообщил, что четырнадцатую срочно требуют явиться в училище.

– Ура! – дружно закричал взвод.

Никто не сомневался, что наконец-то пришел приказ о присвоении офицерского звания.

На войне как на войне

Незабвенному другу Ванюше Кошелкину посвящаю эту повесть

Двадцать четвертого декабря тысяча девятьсот сорок третьего года Первый Украинский фронт перешел в наступление. На участке Радомышль – Брусилов оборону немцев прорывала 3-я Гвардейская танковая армия. Первые три дня самоходный полк полковника Басова находился в резерве начальника артиллерии 6-го Гвардейского танкового корпуса.

Самоходки закопались в лесу, куда они прибыли еще за два дня до начала наступления. Лес этот младший лейтенант Малешкин – командир СУ-85 – считал ни с чем не сравнимым убожеством. Немецкие летчики с артиллеристами так его обработали, что он просматривался насквозь – и с боков, и сверху.

Две ночи экипаж Сани Малешкина сидел под машиной в яме, около танковой печки. В яме было невыносимо жарко, и дым безжалостно выедал глаза. Огонь в печке надо было поддерживать все время. Таков был приказ командира полка.

Последнюю ночь Саня не смыкал глаз до утра. Дежурство у печки он побоялся доверить даже заряжающему – ефрейтору Бянкину, самому опытному и толковому бойцу экипажа. Накануне в полку произошло ЧП. Экипаж Саниного приятеля лейтенанта Пашки Теленкова так усердно топил печку, что раскалил днище машины. Дюритовые соединения на трубопроводах обуглились и лопнули. Из мотора и баков вытекло все масло и горючее. Если бы полк не задержался в лесу еще на сутки по каким-то не известным Сане Малешкину причинам, Теленкову могли бы приписать умышленную порчу машины перед боем и отправить его в штрафную роту. Но Пашку пощадили. Впрочем, Пашка – парень действительно отчаянный, смелый, а самоходку вывел из строя потому, что уснул с экипажем и чуть сам не сгорел.

Младший лейтенант Малешкин подогревал свою самоходку осторожно и все время беспокойно ощупывал днище под мотором. По мнению Сани, температура была в самый раз, чтоб мотор завелся в одну секунду и самоходка, выскочив из ямы, ринулась в бой.

На войне младшему лейтенанту Малешкину пока что ужасно не везло. Вот уже полгода как он на фронте, а еще не выпустил по врагу ни одного снаряда. На своей самоходке Саня догонял немцев по пыльным дорогам Полтавщины вплоть до Днепра. И вот тут ему, казалось, улыбнулось счастье. Но, увы! Оно только улыбнулось – не больше. Во время переправы на Буклинский плацдарм, когда Санина самоходка уже вскарабкалась на паром, немец, словно нарочно, пустил всего лишь один снаряд, и он плюхнулся у парома. Никто не пострадал, кроме Малешкина. Осколком снаряда, словно гигантским топором, обрубило у пушки конец ствола. Нелепейший случай! А не будь его, Саня переправился бы на ту сторону реки и наверняка стал бы героем. По крайней мере, он так думал. Впрочем, кто знает, может, и стал бы. В приказе командующего фронтом значилось, что первый воин – пехотинец, танкист, артиллерист, ставший ногой на правый берег Днепра, получает звание Героя Советского Союза. А ведь Санина машина переправлялась первой.

Самоходку Малешкина стащили с парома и поволокли в тыл менять пушку. Ребята воевали, дрались за Киев, а он все это время сидел около пустого корпуса своей самоходки. За это Пашка Теленков присвоил ему звание «корпусного генерала». Оно так прилипло к Малешкину, что теперь редко кто называл его младшим лейтенантом.

Очередного наступления Малешкин ждал с нетерпением и твердо был уверен, что в конце концов он покажет себя. Всю эту длинную декабрьскую ночь Саня подогревал машину, размышляя о своей злосчастной судьбе, думал о предстоящих боях и мечтал об ордене. У всех ребят в полку были ордена, у Пашки Теленкова – три. А у Малешкина – ни медали, ни значка.

Под утро Саня чуть-чуть прикорнул и был разбужен зычным голосом комбата:

– Командиры машин, ко мне!

– Подымайся! Живо! – закричал Саня на свой экипаж, который вповалку спал на дне ямы.

Командир четвертой батареи капитан Сергачев в белом полушубке, туго стянутом ремнями, нетерпеливо постегивал прутиком по голенищу хромового сапога.

– Гвардии младший лейтенант Малешкин по вашему приказанию явился! – прокричал Саня, приложив к ушанке черную, как у трубочиста, руку.

Сергачев не то с удивлением, не то с презрением посмотрел на Малешкина.

– Шапку поправь, разгильдяй.

Саня схватился обеими руками за шапку, повернул ее на сто восемьдесят градусов, перетаскивал с бока на живот пряжку ремня и, став по стойке «смирно», без страха ел глазами командира. Весь его вид говорил: «Смотри, комбат, какой я сегодня молодец, не только шапку, но и ремень поправил».

Подбежал лейтенант Теленков и тоже доложил, что он явился.

– Машина готова? – вместо приветствия спросил комбат.

– Так точно, товарищ капитан! Всю ночь работали.

– Скажи мне спасибо, а то бы наверняка тебя под трибунал закатали.

Легко подпрыгивая, прибежал младший лейтенант Чегничка, стукнул каблуками и ловко вскинул к бровям руку. За ним не торопясь, развалисто подошел лейтенант Беззубцев и небрежно махнул рукой. Этого угрюмого, широкоплечего офицера на батарее побаивались и уважали. Он всем им годился в батьки, обладал невероятной силой и удивительным спокойствием. У Беззубцева была тяжелая нижняя челюсть, исковерканная осколком, квадратный нос и крохотные колкие глаза. Вздущаяся на лбу синяя вена, словно веревка, стягивала его мысли. Вероятно, поэтому Беззубцева считали тугодумом.

Сергачев внимательно осмотрел свой комсостав и, кривя тонкие губы, усмехнулся:

– Ну и видик! От одного вашего вида немцы разбегутся куда поало.

– Пусть разбегаются. Мы к ним не на блины собрались, – проворчал лейтенант Беззубцев.

Малешкин, чтоб сгладить столь неучтивое отношение угрюмого Беззубцева к комбату, радостно воскликнул:

– Вы б посмотрели, товарищ капитан, на моего механика-водителя. Вот это видик! Черт чертом. Словно его из пекла вытащили.

Сергачев на столь важное замечание Малешкина не обратил внимания и приказал приготовить карту.

– А у меня ее нет, – пожаловался Саня.

– У тебя никогда ничего нет, – заметил комбат.

– А я виноват, что мне ее не дали? – обиженно протянул Малешкин.

Сергачев отлично знал, что Малешкину карты не досталось, и все же не упустил случая упрекнуть его в разгильдяйстве.

– Отмечаем по карте маршрут движения. Младший лейтенант Малешкин, достаньте бумажку и записывайте...

Саня схватился за сумку, которая болталась сбоку, и стал торопливо ее расстегивать. В сумке бумажки не оказалось. Вообще в ней ничего не было, кроме трех кружков печенья – остаток дополнительного пайка, который он вчера получил и вместе с экипажем в один присест уничтожил. Саня об этом знал и в сумку полез просто так, для отвода глаз комбата.

Сергачев перечислял села, мимо которых они должны были ехать, и названия их были очень знакомые: все те же Каменки, Боярки, Городища, Барановки. А сколько их за полгода проехал на своей самоходке младший лейтенант Малешкин! Потом мысли Сани перекинулись на самого себя. Он с тоской размышлял о том, отчего ему так не везет в жизни. Все над ним насмеваются, подтрунивают, что ни случись в полку – все сразу почему-то вспоминают Малеш-

кина. До чего дошло – карты ему не дали! Всем хватило, даже командиру автоматчиков, а командиру машины, основной боевой единицы в полку, не досталось. А зачем этому автоматчику карта? Ведь он со своим взводом только и делает, что штаб охраняет.

Горестные размышления младшего лейтенанта Малешкина прервал голос комбата:

– Вопросы будут?

Саня вздрогнул и непроизвольно громко выпалил:

– Вопросов нет. Все ясно, товарищ капитан.

Пашка Теленков захохотал. Даже мрачный Беззубцев заулыбался, и хмурое лицо его стало необыкновенно ласковым и добродушным. Капитан Сергачев показал Малешкину кулак.

– На подготовку и завтрак – двадцать минут.

Когда Малешкин вернулся к своей самоходке, заряжающий с наводчиком сидели на верху машины под брезентом и курили. Они не обратили на своего командира никакого внимания. Это взорвало Саню.

– Чего сидите? – закричал он. – Встать!

Наводчик с заряжающим вылезли из-под брезента, неуклюже поднялись, переглянулись, пожали плечами.

– А где Щербак?

– На кухню пошел, – ответил наводчик.

– За завтраком, – пояснил заряжающий.

– Я вас не спрашиваю, ефрейтор Бянкин, зачем он пошел. Я спрашиваю, почему Щербак пошел, а не вы? – Саня передохнул. – Сколько раз запрещал отлучаться водителю с наводчиком. Почему не исполняются мои приказания?! – У Сани голос сорвался, и он последние слова просвистел фистулой.

Сержант с ефрейтором опять переглянулись и, как показалось Сане, усмехнулись нарочито оскорбительно.

– Сержант Домешек, прекратите корчить рожи и отвечайте на вопрос: почему не исполняются мои приказания?

Сержант Домешек, тощий одесский еврей с выразительными печальными глазами, принял стойку «смирно».

– Не могу знать, товарищ гвардии младший лейтенант.

– Ефрейтор Бянкин, почему не выполняются мои приказания?

– Почему? – Бянкин вздохнул, сдвинул шапку на лоб, со лба опять на затылок и, глядя на командира ясными, невинными глазами, пояснил: – Очень Гришка Щербак любит ходить на эту кухню.

– Даже больше, чем старый еврей в синагогу, – добавил Домешек.

От этого замечания у Сани не дрогнул ни один мускул, хотя кто знает, каких усилий ему это стоило. Он сердито посмотрел на своего наводчика.

– Отставить шуточки, сержант, – и хотел было четким командирским голосом отдать приказ на выступление. Но командирский запал у него уже иссяк. Саня широко улыбнулся и радостно сообщил, что через двадцать минут полк выступает, что наконец-то они выберутся из этого проклятого леса. Однако наводчик с заряжающим не разделили Саниного восторга. Фронтовая жизнь научила их многому, и в первую очередь – не торопиться. Заряжающий с наводчиком стали сворачивать брезент. Появился Щербак с картонной коробкой, которую он держал перед собой обеими руками. Забыв про брезент, экипаж Малешкина наблюдал, как Щербак осторожно обходит упавшую сосну. Всех, конечно, интересовал не сам Щербак, а картонка. Поставив коробку у ног Сани, Щербак выпрямился, козырнул и, глупо улыбаясь, доложил:

– Водку и энзэ выдали, товарищ лейтенант. А чтоб два раза не ходить, я выпросил у чмошников коробку.

Чмошниками солдаты называли хозяйственников. В переводе это слово не выдержит никакой цензуры.

В коробке Щербак приволок два котелка супа, фляжку с водкой, хлеб, сухари, четыре куска сала, четыре банки свиной тушенки и кулек с сахаром. Саня, забыв про свое возмущение, искренне похвалил его за солдатскую смекалку, и экипаж здесь же, на несвернутом брезенте, сел завтракать. Выпили по сто граммов водки, закусили энзеновским салом, принялись за суп. У одного котелка пристроились наводчик с водителем, у другого – Саня с ефрейтором. Осип Бянкин почистил пальцем ложку и, задержав ее над котелком, ждал, когда командир приготовит свою. Но Саня, сколько ни шарил за голенищем, ложки там не находил. Не оказалось ее и в другом сапоге.

– Черт знает куда она девалась, – пробормотал Малешкини, виновато посматривая на Бянкина. – Вчера, ты помнишь, была?

– Наверное, под машиной в яме валяется, – заметил ефрейтор. – Слезить посмотреть?

– Не надо. Я сам. Чего ты смотришь? Жри, – сердито приказал Малешкин и полез под машину.

Минут десять Саня рылся в песке и наконец нашел свою ложку на гусенице под опорным катком. Саня крепко выругался и закричал:

– Эй вы, черти, кто мою ложку под каток засунул?

– Я, наверное, – отозвался Щербак.

– Что же ты мне сразу не сказал?

– Забыл...

И прежняя злость на механика-водителя вспыхнула у Сани с еще большей силой.

– Ты вечно все забываешь. – Саня выполз из-под самоходки и, держа ложку как пистолет, пошел на Щербака. – Я тебе запретил шляться на кухню. А ты опять забыл? Зачем потащился на кухню, а? Встать, разгильдяй, когда с тобой разговаривают!

Щербак поднялся и, сгорбясь, опустив голову, стоял перед командиром.

– Отвечай: почему пошел на кухню?

– За завтраком.

– А почему ты пошел?

– А кому-то все равно надо было идти.

– Не кому-то, а заряжающему! Я же приказывал!

– Приказывал, – как эхо, повторил Щербак.

– А почему же вы, Щербак, нарушаете мой приказ?

– А Бянкин мне сказал: «Бери котелки и топай на кухню».

– А кто здесь командир? Я или Бянкин? Отвечай мне, кто здесь командир, я или...

– Конечно, вы, товарищ лейтенант. И полно вам ругаться. Рубайте суп, а то совсем холодный будет, – сказал ефрейтор и потянулся к банке с тушенкой.

– Отставить тушенку, ефрейтор Бянкин. Разве вы не знаете, что это неприкосновенный запас! – прикрикнул Саня на заряжающего.

Ефрейтор покидал с руки на руку банку и, вздохнув, бросил ее в коробку. Саня, довольный тем, что Бянкин, которого он, откровенно говоря, побаивался, беспрекословно выполнил его приказание, уже не так грозно смотрел на водителя, и голос его сразу подобрел. Он еще продолжал ругать Щербака, но гнев его теперь звучал как награда собственному самолюбию. Впрочем, ругать Щербака можно было сколько хочешь. Он никогда не возражал, да и не обижался. Он чем-то напоминал старую, задубелую клячу, которую сколько ни бей, сколько ни кричи, она не оглянется и не прибавит шагу.

Бестолковый, неряшливый Щербак стоял, беспомощно опустив руки, и преданно смотрел на командира. Сане одновременно стало жалко водителя и стыдно за свой разнос. Но он не

знал, как сменить гнев на милость. Малешкину хотелось сказать Щербаку что-нибудь доброе, теплое, но подходящих слов не находилось. И он сказал:

– Ты бы хоть рожу помыл. А то ведь ужас на кого ты похож.

Щербак понял, что командир выдохся, и охотно согласился после завтрака помыться. Малешкин, доказав, какой он строгий командир, спокойно уселся хлебать остывший суп. Наводчик с заряжающим переглянулись и, втянув головы в плечи, хихикнули. Экипаж давно раскусил своего командира: вспыльчив, горяч, но отходчив, а вообще мягкий, как лен, хоть веревки вей.

Бянкин, видя, как командир вяло шевелит ложкой, заметил, что баланда сегодня жидковата. Саня, не чувствуя вкуса, утвердительно кивнул головой. Хотя суп был обычный – и наваристый, и довольно-таки густой, – Осип Бянкин руганул чмошников и, не спуская глаз с командира, вынул из коробки банку свиной тушенки. Подкинул ее, как мяч, поймал и поставил перед Саней. Домешек тоже взял банку и тоже ее подкинул.

– Ни-ни, – замотал головой Саня.

– Ну товарищ лейтенант! – жалобно протянул Домешек.

Когда экипаж жил в полном согласии и дружбе с командиром, то повышал его в звании и величал лейтенантом.

– По уставу не положено, – сказал Саня.

Бянкин вынул из кармана нож.

– Лейтенант, неравно убьют, так зачем же добру пропадать.

– А если не убьют, то на тетушкином аттестате проживем, – заявил Щербак.

Саня помолчал, вздохнул и махнул рукой. Возражал он не потому, что был такой уж дотошный хранитель уставных норм, а просто потому, что был командир. И если бы заряжающий с наводчиком не проявили инициативы насчет тушенки, то он проявил бы ее сам.

Позавтракав, экипаж закурил и, покурив, нехотя поднялся и стал готовить машину к маршу. Свернули брезент и накрыли им снаряжные ящики, которые были штабелем сложены над мотором самоходки. По обеим сторонам машины и сзади, над трансмиссией, лежали толстые бревна, к которым были привязаны бочки с горючим и маслом. Самоходный полк в составе 6-го корпуса 3-й Гвардейской танковой армии после прорыва обороны немцев должен был выйти на оперативный простор. Об этом Малешкину не докладывали, но он сам догадывался, потому как машина его была загружена снарядами и горючим до отказа.

Саня лично проверял крепление бочек и боеукладку. Все было в порядке. Малешкин спрыгнул с машины, критически осмотрел ходовую часть. Ему показалось, что с правой стороны гусеничная лента сильно провисла.

– Гришка! – закричал Саня.

– Чего?

– Подтяни правый ленивец.

– Ладно.

Однако Щербак даже не пошевелился. Он сидел в машине и, не зная, что ему делать, тер пальцем стекло тахометра. Приказ командира донесся до него издали, как эхо, он так же, как эхо, ответил: «Ладно». Механик-водитель не любил самоходку и боялся ее. Сокровенной мечтой Щербака было перебраться в ремонтную роту. Но перебраться туда не так-то просто, особенно когда сидишь за рычагами машины. «Вот было б счастье, если б фриц закатал болванку в моторный отсек: машине капут, и все живы».

В передний люк просунулось злое лицо Малешкина.

– Ты чего ж сидишь, обормот грязный! Я кому сказал подтянуть гусеницы? Ну, погоди, ты меня выведешь из терпения!

Щербак заторопился, стал искать натяжной ключ, приговаривая:

– Сейчас, сейчас, товарищ лейтенант, все будет в порядке.

Поиски ключа продолжались долго, наконец ключ был найден заряжающим Осипом Бянкиным. Втроем они стали подтягивать ленивец, но ленивец не поддавался: он был натянута до отказа.

– Надо выбрасывать трак, – заявил ефрейтор.

– Надо, – нехотя согласился с ним Щербак.

– Давайте выбрасывать. Бянкин, тащи паука с выколоткой, – приказал Саня.

Бянкин нагнулся, прищурясь, осмотрел гусеницу, ударил по ней каблуком и решительно плюнул:

– И так сойдет, лейтенант.

– А если свалится?

– Хрен свалится, – заявил Бянкин.

Авторитет ефрейтора в экипаже был непоколебим. Малешкин облегченно вздохнул. Выбрасывать траки – грязная и утомительная работа. А Саня с минуты на минуту ждал команду: «Заводи».

– Щербак, у тебя все готово? – отрывисто спросил Саня. Щербак козырнул:

– Так точно, товарищ лейтенант.

– У тебя, Бянкин?

Заряжающий пожал плечами:

– Мои снаряды всегда готовы.

– Домешек? Где наводчик?

Саня оглянулся. Домешек стоял сзади. Вид его испугал Саню. Вернее, он не увидел самого Домешека. Он увидел длинный белый, как у грача, нос и огромные белки, которые, казалось, вот-вот вывалятся из глазниц. Домешек протянул Сане руку:

– Вот...

– Что это? – спросил Саня.

– Чека... от гранаты.

Саня ничего не понимал, не понимали и Щербак с ефрейтором. Но всем вдруг стало страшно.

– Я проверял в сумках гранаты и не знаю как... вытащил чеку. – Домешек хотел улыбнуться, но вместо улыбки лицо его задрожало и сморщилось.

У Малешкина обмякли ноги, и все вокруг стало нереально маленьким и серым.

– Граната без чеки в сумке? – спросил ефрейтор.

Домешек кивнул и, схватившись за голову, сел прямо в снег.

– Почему же она не взорвалась? – вслух подумал Саня.

– Наверное, трубку взрывателя прижало. А то б она рванула. – И Бянкин зябко поежился.

– Что же теперь делать-то?

Саня по очереди посмотрел на своих ребят. Домешек сидел на снегу и тупо разглядывал ладонь, на которой лежала чека. Щербак, уставясь на самоходку, размазывал по лицу грязь. Ефрейтор Бянкин сворачивал сигарку и никак не мог свернуть: то просыпался табак, то рвалась бумага.

Малешкина сковал ужас. Его самоходка, родной дом, превратилась в огромную глыбу взрывчатки. Малейший толчок – капсуль-детонатор срабатывает, и... Саня закрыл глаза и увидел огромный взрыв, а на месте машины – черную яму. Он невольно попятился.

– Дела так дела, – протянул Бянкин; ему все-таки удалось свернуть папироску и закурить.

Малешкин взглянул на ефрейтора, который жадно глотал дым, и протянул руку. Бянкин отдал ему окурочек. Саня затаился, обжег губы и опять рассеянно спросил:

– Что же делать-то теперь, а? Если взорвется машина, нам всем... – и не договорил.

Впрочем, все поняли и молчали. И в этом молчании младший лейтенант Малешкин почувствовал, что теперь все зависит от него. Он командир, он за все в ответе. Саня закрыл ладонью глаза, стиснул зубы.

– Сержант Домешек, вы сейчас пойдете в машину и достанете ту гранату. Понятно?

Домешек скорее удивленно, чем испуганно, посмотрел на командира, словно спрашивая: «Ты что, шутишь, лейтенант?» – и наконец понял, что это не шутка, а приказ. Он поднялся, опустил руки и тихо по складам проговорил:

– Есть до-стать гра-на-ту.

С минуту он стоял, повесив руки и опустив голову, потом поднял ее, горько усмехнулся и пошел к машине. Когда он уже занес ногу на гусеницу, Малешкина обожгла мысль: если Домешек погибнет, ему тоже не жить. «Так зачем же и ему? Уж лучше один я». И Саня тихо позвал:

– Мишка.

Домешек через плечо посмотрел на командира.

– Вернись.

– Зачем?

– Назад! – грубо оборвал его Саня.

Домешек пожал плечами и вернулся.

– Я сам... Понимаешь, я сам. – Саня отвернулся от наводчика, посмотрел на корявую сосну с перебитой макушкой. – В какой сумке она?

– С левой стороны.

– Какая она?

– Не знаю, лейтенант. Я ее не видел. Когда я увидел в руке чеку, все забыл, ничего не помню, словно по затылку бревном ахнули...

– Значит, в левой?

– Кажется, в левой.

– «Кажется», «кажется»! Должен точно знать, – взорвался ефрейтор. – Лейтенант, давай я ее достану?

– Нет... Я сам.

– Разрешите. Для меня эти гранаты раз плюнуть.

– Ефрейтор! – И Малешкин так посмотрел на заряжающего, что у того сразу отпала охота настаивать. Бянкин посоветовал лейтенанту снять фуфайку.

– Без нее удобнее, – сказал он.

Саня стащил фуфайку, бросил ее на снег, потом снял шапку и тоже швырнул, подошел к машине, вскочил на нее и взглянул в открытый люк. Оттуда на него дохнуло холодом. Он оглянулся на ребят, хотел улыбнуться, помахать им рукой, сказать что-нибудь доброе, но улыбки не получилось, рука не поднялась, и сказал он то, что надо было сказать:

– Отойдите от машины подальше. А то взорвется, и вам будет хана. – Последних слов Саня не хотел произносить, они сами неожиданно соскочили с его губ, и Малешкин почувствовал, что немеет от страха.

– Господи, помоги! – прошептал гвардии младший лейтенант Малешкин и спустил ноги в люк, как в могилу.

Саня не помнил, как он разыскал гранату, как осторожно и цепко ухватил ее за взрыватель и вынул из сумки.

Когда Саня вылез из машины и вытер с лица пот, который был холоднее родниковой воды, он опять увидел мир, огромный и прекрасный, хотя над лесом висело сырое, тяжелое декабрьское небо. Саня поднял вверх гранату и закричал:

– Ребята! Вот она!

Ребята подошли и боязливо покосились на гранату, которую Малешкин так сжал, что побелели пальцы.

– Забрось ее вон туда, в кусты, – посоветовал Домешек.

Но Саня категорически отверг это разумное предложение, сказав, что на взрыв сбегутся и опять припишут батарее ЧП.

– Вставить на место чеку. Вот и все, – сказал Бянкин. – Мишка, давай чеку. – Ефрейтор подул на чеку, обтер об ватник и подступил к командиру.

– Где там дырка?

Малешкин протянул заряжающему руку с гранатой.

– Что же ты зажал дырку? Раздвинь пальцы!

– Не могу. – Саня спрятал гранату за спину.

– Почему? – удивился ефрейтор.

– Боюсь.

Бянкин попытался отобрать у Малешкина гранату.

– Ладно, черт с тобой. Держи крепче взрыватель.

– А ты что будешь делать? – испуганно спросил Саня.

– Ничего. Держи.

Саня не успел сообразить в чем дело, как Бянкин отвернул от взрывателя гранату.

– А теперь бросай взрыватель.

– Куда?

– В снег. Да чего ты боишься?

Саня бросил. Взрыватель, описав дугу, упал в снег. Все ждали взрыва, а его не было.

– Что за хреновина? – удивленно протянул Домешек.

Бянкин поднял взрыватель, подергал трубку.

– Брак!

Заряжающий с наводчиком принялись дико хохотать, к ним присоединился и Щербак.

Домешек схватил Малешкина за руку:

– Я по этому поводу расскажу анекдот...

Анекдота наводчик рассказать не успел: появился комбат и приказал выводить машину на дорогу.

На другом конце леса, как молотилка, застрекотала самоходка, к ней присоединилась вторая. «Первая батарея уже заводит», – догадался Малешкин и стал торопливо натягивать фуфайку. Затрещал и защелкал мотор командирской машины, и в ту же секунду за кустами взвизгнул стартер и, как пушка, захлопала самоходка Пашки Теленкова. Справа с надрывным воем выползла из ямы машина Чегнички. Сам он пятился перед ней, махал руками, грозил кулаком и показывал пальцем то на одну, то на другую гусеницу. Теперь весь лес стрекотал, трещал, хлопал, выл... Сизый вонючий дым по стволам искалеченных сосен пополз к такому же сизому сырому небу, смешался с ним, и ничего не стало видно.

Саня, прикрывая лицо руками, стоял перед люком механика-водителя и ждал, когда тот запустит мотор. Стартер визжал, выл, как сирена, а мотор не заводился. Саня в конце концов не выдержал, подскочил к люку.

– Почему не заводится, а? Ты что, меня угробить хочешь?!

– Аккумуляторы сели, – ответил Щербак.

– Отчего ж они сели? Вчера заводили, а сегодня сели?

– Потому что вы всю ночь рацию гоняли! – закричал Щербак.

Саня опешил. Такого он от Щербака не ожидал. Малешкина затрясло от обиды.

– Ты чего валишь с больной головы... Не подготовил машину, а теперь валишь. Ну погоди, я с тобой разберусь, – злое прошипел Малешкин.

– Не очень-то, лейтенант, разоряйтесь! А что вы все время музыку слушаете – факт, и никуда не попрешь, – заявил механик.

Действительно, против этого факта переть было некуда. Радио он любил и частенько часа по два гонял рацию, хотя знал, что от этого аккумуляторы разряжаются. Саня с тоской посмотрел в глаза механика-водителя. Они от гнева округлились и пожелтели, стали как медные пуговицы.

– Давай еще попробуй, Гриша, – попросил Саня.

Щербак попробовал, и металлический пронзительный звон ударил Малешкина по ушам. Однако мотор не завелся.

– Эх ты, механик-водитель, – простонал Саня.

– Садитесь сами и заводите, – огрызнулся оскорбленный механик-водитель.

Ах, если б Саня умел! Разве бы он не завел? Но Саня не знал мотора и не умел его заводить, в боевой машине за рычагами сидел всего два раза в училище на танкодроме, а то все время упражнялся на учебных да на макетах. Попав на фронт, он целиком доверился механику-водителю. Как в эту минуту он жалел, что так бесшабашно относился к технике! «Выйдем на формирование – не отойду от машины, изучу ее до винтика и научусь водить». Дав себе такой обет, Саня попросил Щербака попробовать в последний раз. Попробовали, и ничего не вышло. Подошел ефрейтор Бянкин.

– Лейтенант, может, воздух попал в систему?

– А может, и в самом деле! – Саня ухватился за этот «воздух», как утопающий за бревно, и крикнул наводчику, чтобы тот спустил из топливной системы воздух.

Домешек давно успел все приготовить к маршу. Закрепил пушку, чтоб она не болталась, на казенник натянул чехлы, поудобней приспособил сиденье. И теперь, наблюдая, как Щербак мучается с мотором, злорадно думал: «Так ему и надо». Он не любил Щербака за трусость, лень и наплевательское отношение к машине и твердо был уверен, что это для них когда-нибудь кончится очень печально. Всегда веселый, неунывающий, Мишка Домешек в последние дни скис и почти перестал рассказывать свои анекдоты.

– Мишка, выпусти из системы воздух! Там есть краник, поверни вправо! – кричал младший лейтенант Малешкин. Сам он толком не знал, где этот краник находится, но знал, что он есть и что повернуть его надо вправо.

Наводчик же отлично знал этот краник, и поворачивать его ему приходилось тысячу раз еще до младшего лейтенанта Малешкина. Домешек полтора года сидел в танке. Когда после госпиталя его направили в самоходную артиллерию, он несказанно обрадовался, что наконец-то избавился от «братской могилы четырех» – так называли танкисты свою машину. Но когда его посадили в самоходку, которая почти не отличалась от танка, Домешек, горько усмехнувшись, сказал: «Нельзя желать того, чего не знаешь... На войне как на войне».

Наводчик повернул краник, спустил на днище машины сто граммов газойля. Щербак нажал кнопку стартера, он дзинькнул, и мотор завелся с таким остервенелым хлопаньем, что у Сани чуть не лопнули барабанные перепонки.

Щербак со страшным скрежетом воткнул первую скорость и дал такой газ, что машина пробкой вылетела из ямы. Саня едва успел отскочить в сторону, а Домешек, проклиная дурака водителя, завалился на снаряды.

Малешкин пятился перед самоходкой, показывая Щербаку то на одну, то на другую гусеницу. Спиной дошел он до канавы на окраине леса, перепрыгнул ее и стал обеими руками махать водителю, что означало: «Давай смело вперед, через канаву». Но самоходка стояла перед канавой, а Щербак ожесточенно ругался. Саня бросился к машине.

– Опять? Что?

– Лопнула тяга левого фрикциона.

– Почему же она лопнула? – со слезами на глазах спросил Саня.

– Лопнула, и всё, – ответил Щербак.

– Ну и гад же ты, Гришка! Мерзавец, – сказал Домешек. – «У меня все готово»... Подлец! Подошел Бянкин и, узнав, в чем дело, мрачно засопел.

– Слушай, Щербак, а ведь ты доиграешься.

– Я виноват, что она лопнула?! – истошно заорал водитель.

– А кто ж? Конечно, ты, – поддержал ефрейтора Домешек. – Ладно, лейтенант. Если что, мы скажем, какой он механик-водитель и как он к машине относится.

– Факт, командир здесь ни при чем, – добавил Осип Бянкин. – А перед наступлением за такие штучки... – И ефрейтор выразительно щелкнул языком.

У Щербака испуганно забегали глаза.

– Вы что, ребята, с ума сошли? Думаете, я ее нарочно сломал? Ей-богу, она сама сломалась!

– Почему же ты перед выездом не проверил, а доложил лейтенанту: «Все готово»? – спросил Домешек.

– Да, почему ты доложил: «Все готово»? – повторил Саня.

– Ну что вы на меня все навалились? Подумаешь, тяга! Да я ее сейчас, в одну минуту... Одну минуту, и поедem, товарищ лейтенант. – Щербак выскочил из машины, забегал вокруг нее, с грохотом открывая ящики с инструментом, бросился назад, к яме, где раньше стояла самоходка, и вернулся с толстым концом проволоки.

Щелкая по сапогам прутиком, короткими, отрывистыми шажками к машине подошел капитан Сергачев.

– Опять у Малешкина не слава богу, – усмехнулся комбат.

Всех боялся Саня, а капитана Сергачева особенно. В полк Сергачев прибыл недавно, и его сразу же назначили командиром четвертой батареи, на место уехавшего в академию старшего лейтенанта Танеева. С приходом Сергачева для Сани настали черные дни. Капитан с первого взгляда невзлюбил младшего лейтенанта Малешкина, придирался по любому пустяку, а в последнее время все чаще грозился снять Малешкина с машины, отчислить из батареи и отправить в резерв. Это для Сани было подобно смерти. Жить без самоходки, без своих ребят он уже не мог.

– Почему стоим, Малешкин?

Саня съежился, как от удара.

– Тяга лопнула.

– Что? Какая тяга?

Бянкин хмуро посмотрел на комбата.

– Бортового фрикциона.

– Сейчас поедem. Один секунд, товарищ комбат! – крикнул из машины водитель.

– Ни у кого не лопнула, а у Малешкина лопнула. Вот навязали мне на шею командира, – желчно, не разжимая зубов, процедил капитан Сергачев и, резко повернувшись, пошел от машины, четко чеканя шаг.

– Это еще неизвестно, кого кому навязали. Ишь закикилял, как принцесса Турандот, – сказал Домешек.

Бянкин неожиданно сорвался с места и побежал за комбатом. Догнав, стал что-то говорить ему, энергично размахивая руками.

Саня смотрел на них и думал, что Сергачев наверняка отнимет у него самоходку. Настроение было отвратительное. Ничего не хотелось делать, и ничто не радовало, даже предстоящий марш, наступление, бои, к которым он так рвался.

– Над чем, лейтенант, задумался? – окликнул его наводчик.

– Да так. Ужасно все плохо, Миша, – пожаловался Саня.

– Не унывайте, лейтенант, еще будет и хуже.

Саня вздохнул:

– Веселый ты парень, Мишка, отчаянный!

Домешек удивленно вскинул на командира свои большие, с тяжелыми веками глаза и очень серьезно спросил:

– Это я-то веселый, отчаянный? – и обнял Малешкина. – Сейчас, Сан Саныч, я вам по этому поводу расскажу заплесневелый анекдот.

Саня приготовился слушать. И на этот раз Мишка не успел рассказать свой заплесневелый анекдот. Из люка высунулась грязная рожа Щербака и, скаля зубы, объявила:

– Готово. Поехали.

Самоходка переползла через канаву, Саня с Домешком вскочили на нее, и машина пока-тила по дороге.

Полк Малешкин догнал на северной окраине леса. Он стоял, вытянувшись в походную колонну, и чего-то ждал. Саня пристроился в хвост и тоже стал чего-то ждать.

Настроение у младшего лейтенанта Малешкина теперь было превосходное. Машина готова к бою хоть сейчас. История с гранатой прошла так удачно, что и комбат не узнал. Саню все радовало, даже это хмурое утро. Он готов был расцеловать и веселого наводчика, и умного Осипа Бянкина, а заодно и Гришку Щербака. За то, что механик-водитель в какие-то десять минут устранил такую сложную неисправность, Саня простил ему сразу все грехи и пороки.

Прошло полчаса. Колонна продолжала стоять. Сверху посыпался снег, мелкий, как крупа. Стало подмораживать. Экипаж уселся на жалюзи и накрылся брезентом. Саня залез в шубу. Шуба эта тоже была своего рода реликвией полка. Ее привез начальник штаба майор Кенарев из Монголии и сдал на склад помпохозу Андриющенко. Когда в полк привезли легкие романовские полушубки и стали одевать в них офицеров, Сане не досталось полушубка. Помпохоз выдал ему этот тяжелый, как воловья шкура, монгольский тулуп. В него можно было завернуть двух лейтенантов Малешкиных.

– Чего стоим? Чего стоим? – сердито спросил себя Саня.

Его окликнул ефрейтор Бянкин.

– Лейтенант, узнай, когда тронемся. Может, еще обедать тут будем.

Саня сполз с машины и пошел вдоль колонны. Шел, переваливаясь с боку на бок, а сзади волочилась шуба, заматавая его следы. Саня миновал свою батарею – никого из командиров не было, третью – тоже, вторую...

Комсостав полка собрался у самоходов первой батареи. Еще издали Малешкин услышал дружный хохот.

«Наверное, надо мной...» – поморщился Саня, но не изменил ни походки, ни важного вида. Он знал, что сейчас опять начнется комедия и главную роль в ней будет исполнять он, гвардии младший лейтенант Малешкин. Саня и сам не понимал, почему это так получалось. С экипажем он был строг и всячески стремился держать на высоте престиж командира. А как попадал в общество офицеров, совершенно терялся.

Когда Саня приблизился, круг офицеров разомкнулся, вперед выскочил лейтенант Наценко и громко доложил:

– Товарищ генерал Малешкин, полк в полном составе к маршу готов!

У всех, видимо, было отличное настроение, поэтому хохотали так громко и долго, что Сане стало не по себе. Смеялись все: и командир полка Басов, и начальник штаба, и даже пожилой строгий замполит полковник Овсянников. Когда смех наконец смолк, Овсянников сказал:

– А что? К пятидесяти годам Малешкин вполне может быть генералом.

Саня быстро взглянул на замполита и потупился. Даже этот серьезный человек, которого он очень уважал, смеется над ним.

Сергачев с нескрываемым презрением посмотрел на Малешкина и сказал:

– Пусть этот «генерал» расскажет, как вынимал из машины гранату. Чуть в штаны не наложил.

У Сани из глаз покатались желтые кольца. Такого удара в эту минуту он никак не ожидал.

– А зачем он ее вынимал? – спросил Басов.

– Не знаю. Он мне не докладывал, – ответил капитан.

– Малешкин, в чем дело? – строго спросил полковник.

Саня, как рыба, хватил ртом воздух и начал рассказывать. Он хотел посмешить, но шутки не получилось. Рассказ произвел угнетающее впечатление.

– Вы говорите, Малешкин, что наводчик дотронулся до гранаты и чека сама вывалилась? – прервал молчание майор Кенарев.

– Так мне сказал наводчик, – ответил Саня.

– А сколько в сумке гранат?

– Шесть.

– И все со взрывателями?

– Все.

Начальник штаба повернулся к Басову:

– Во время движения машину трясет, усики, вероятно, разогнулись, и чека свободно вывалилась. Но ведь какая случайность! А если б не испорченный взрыватель?

Полковник Басов вынул из кармана платок, вытер им лицо и шею.

– Капитан Сергачев, почему вы об этом сразу не доложили?

Сергачев пожал плечами:

– Я этому не придавал значения.

– Вот как, – выдавил Басов. – А вот Малешкин придавал этому значение.

– Мне об этом рассказал заряжающий. – Сергачев вытянулся и щелкнул каблуками.

Басов уставился на Саню:

– Малешкин, почему вы не доложили комбату?

Саня опустил голову и так сжал зубы, что никакая сила не смогла бы их разомкнуть. Что будет, то пусть и будет. Все смотрели на Малешкина, а он, опустив голову, упорно молчал. И вдруг Пашка Теленков громко сказал:

– Он боится комбата, товарищ полковник. Комбат Сергачев все грозит снять его с машины.

– Как это снять? – недоумевая, переспросил Басов и с интересом посмотрел на Сергачева.

Теперь все смотрели на капитана. Сергачев вскинул подбородок и заговорил твердо, не спуская глаз с полковника:

– Снимать с машины командира у меня нет прав. Я имею в виду, товарищ полковник, подать вам рапорт, чтоб убрали с батареи младшего лейтенанта Малешкина. Я его подам после боевых действий.

– Почему?

Сергачев удивленно вскинул брови, как бы давая этим понять, что вопрос крайне странный.

– Вы сами видите, товарищ полковник, какой Малешкин командир. Шут гороховый. – Капитан усмехнулся одними губами.

Командир полка побагровел:

– Я вас, капитан, спрашиваю не о причинах. Я спрашиваю: почему вы хотите его снять не перед боем, а после? Вы считаете его плохим командиром?

Сергачев четко щелкнул каблуками:

– Так точно.

– Тогда почему же вы с плохим командиром решились идти в бой?

Стало так тихо, что было слышно, как в головной самоходке работает радиостанция.

– Странная логика у капитана Сергачева, – задумчиво промолвил замполит Овсянников.
– Вы недавно на фронте? А до этого где служили? – как бы между прочим спросил полковник Басов.

Сергачев побледнел и растерялся.

– В Нижнем Тагиле. В учебном полку.

Саня заметил, что комбат не знает, что делать ему со своими руками. Капитан старался держать их строго по швам, но пальцы невольно хватались то за ремень, то за планшетку.

Командир полка о чем-то тихо переговорил с начальником штаба, и майор Кенарев объявил: комбатам остаться, а командирам машин разойтись по своим местам и немедленно снять с гранат взрыватели.

Саня Малешкин уныло поплелся к самоходке. Теперь он твердо был уверен, что надо собирать вещевой мешок и отваливать в резерв. Его догнал Пашка Теленков и дернул за воротник шубы.

– Санька, а ты не знал, что взрыватель порченный? – спросил Пашка.

– Откуда я знал?

– Ей-ей, не врешь?

Саня обиделся:

– А чего мне врать?

– Смелый ты мужик. Я не полез бы за этой гранатой.

Саня подозрительно скосил на приятеля глаза.

– Ни за что бы не полез! – решительно заявил Пашка и хлопнул Саню по спине. – Храбрец ты, Малешкин!

Сане это очень польстило, и он решил отплатить той же монетой.

– А сам-то какой? Один против шести «тигров» сражался.

– Ну, сравнил. «Тигры» – другое дело. А тут верная амба. Ты сам не представляешь, какой ты отчаянный!

Саня грустно улыбнулся.

– Отчаянный... А с машины все равно снимут.

– Чудак ты! Нашел о чем горевать. – Пашка взял Малешкина за воротник шубы и сильно встряхнул. – Не дрейфь, Саня! Все, что ни делается, все к лучшему. – И, оставив Малешкина в недоумении, побежал к своей самоходке.

Саня смотрел ему вслед и думал: «Треплется Пашка или взаправду?» И в конце концов решил, что треплется. Нахватал орденов, вот и ломается. Знает, что его с машины ни за что никто не снимет. А если б сняли, небось как сумасшедший бы забегал. «А меня снимут! Кому нужен такой неудачник? Боже мой, как мне не везет!»

У Сани так больно защемило сердце, что он потихоньку застонал. Мысль, что через десять – пятнадцать минут придет капитан Сергачев и грубо объявит: «Малешкин, собирай манатки и хилий в резерв», – теперь ни на секунду не оставляла младшего лейтенанта. Ему было так тяжело и тоскливо, что хоть ложись на дорогу и помирай.

Он подошел к самоходке и равнодушно посмотрел на нее. Самоходка, задрав вверх тупое, с длинным носом рыло, казалось, к чему-то принюхивалась. В открытые люки сыпался снег. Саня хотел крикнуть: «Эй, закройте люки!» – но, подумав, что теперь он тут не хозяин, махнул рукой.

Экипаж по-прежнему сидел под брезентом. Домешек что-то рассказывал.

С каким удовольствием Саня посидел бы сейчас с ними! И Малешкина, как волна, захлестнула обида и на комбата, и на командира полка, и на замполита, и на Домешека с заряжающим – на всех, кому в эту минуту было лучше, чем ему.

– За что? За что? Что я им плохого сделал? – прошептал Саня, и из глаз у него покатались горькие, злые слезы.

Экипаж закурил. Из-под брезента пополз сизый махорочный дым. Бянкин закашлялся с надрывом, как старик, и, откашлявшись, прохрипел:

- Интересно, мы когда-нибудь поедем?
- А куда торопиться? – спросил Щербак.
- Гришка мудр, как змий, – заметил Домешек.

Щербак зевнул:

- Пока стоим, повара могли бы уже и кашу сварить. Да разве чмошники пошевелиятся?
- А наш командир ничего, не из трусливых, – задумчиво проговорил ефрейтор Бянкин. Саня притаился и смахнул ладонью слезы.

Щербак презрительно хмыкнул.

- А ты бы полез за гранатой? – закричал на него Домешек.

- Приказали б – и полез.

- «Полез»! – передразнил водителя ефрейтор. – У самого от страха шары на лоб вылезли.

Щербак обиделся не на шутку.

– Вы меня видели в бою? Не боитесь – Щербак не подведет. Машина, как ласточка, будет носиться вокруг «тигров».

– Дай бог доехать до них! – серьезно сказал ефрейтор. – Ты думаешь на этой проволоке далеко уехать?

- У первого подбитого танка сниму тягу и поставлю.

- Проще пойти в техчасть, взять эту тягу и поставить.

– Конечно. Два часа уже стоим. Не выйдет из тебя, Гришка, путного водителя. Ни хрена не выйдет, – заключил Домешек и вылез из-под брезента.

- Лейтенант, долго мы еще здесь стоять будем?

Саня тяжело вздохнул:

- Не знаю.

Ефрейтор выразительно посмотрел на Щербака. Тот взмахнул руками, спрыгнул с машины и, сгорбясь, побежал в техчасть. Саня невольно улыбнулся:

- Здорово вы его продраили.

- Ничего, лейтенант, мы его обстругаем – гладенький будет! – весело крикнул Домешек.

Если бы эти слова Саня услышал час назад, как бы он радовался. Теперь же ему от них стало невыносимо больно. Поборов слезы, он приказал наводчику немедленно вывернуть из гранат взрыватели и сложить их отдельно в коробку. А чтоб приказание звучало весомее, добавил:

- Это приказ командира полка.

Наводчик гаркнул: «Есть!» – и нырнул в люк. Силы, которые Саня собрал, чтоб отдать приказание, мгновенно покинули его. Он привалился спиной к самоходке, тоскливо посмотрел на лес, на ворону, которая снялась с сосны и, лениво махая крыльями, полетела над полем, почти задевая брюхом снег. Так она летела вплоть до рыжей скирды и только над ней взмыла, уселась и замерла.

- Лейтенант, что с вами? – спросил Бянкин.

Саня вздрогнул и торопливо ответил:

- Так... ничего... А что?

- Да вы как будто не в себе.

У Сани невольно сморщилось лицо и дрогнули губы.

- Ты доложил комбату о гранате?

- Я. А что?

- Так, ничего... Правильно сделал.

Повернувшись спиной к заряжающему, Саня пошел вдоль машины, остановился у люка механика-водителя и долго смотрел на запорошенный снегом лист брони, а потом, сам не зная для чего, аршинными буквами написал на ней пальцем: «МАЛЕШКИН».

Заряжающий взобрался на самоходку и стал передвигать снарядные ящики. Саня не понимал, зачем он это делает; видимо, не понимал и сам заряжающий.

От головы колонны на разные голоса покатился крик: «Лейтенанта Беззубцева к начальнику штаба!» Ефрейтор Бянкин во всю мощь своих легких с каким-то озорством заревел:

– Лейтенант Беззубцев, к начальнику штаба!

– Чего ты орешь, идиот? Беззубцев уже давно в штабе, а ты орешь, – сказал, вылезая из машины, Домешек.

– Да так! Скучно, холодно! – Бянкин замолотил по броне каблуками. – Самоходочка моя окаянная, поговорим с тобой, ненаглядная. Эй, лейтенант, добьем энзе?

Саня махнул рукой.

– А вы?

– Не хочу.

– Потом захотите. Мы вам с Гришкой оставим.

Наводчик с ефрейтором уселись добивать энзэ. Саня как неприкаянный обошел самоходку. Сержант с ефрейтором ели тушенку и так громко чавкали, что Малешкину стало невмоготу. Он влез на самоходку, сел на ящик. Ефрейтор вскрыл ножом банку и, услужливо подавая лейтенанту, напомнил:

– Гришку не забудьте.

Вкуса консервов Саня не чувствовал, и ел он их не потому, что был голоден, а потому, что не знал, что делать, куда деваться.

Бянкин, развалясь на ящиках, закурил, посвистал и вдруг неожиданно объявил, что после войны вернется в свою деревню и женится на соседке вдове. Когда Домешек поинтересовался, почему именно на соседке, да еще на вдове, ефрейтор сказал: потому что у нее убили мужа. На такой резонный довод Домешек не смог найти возражений и тоже, видимо, решил поделиться с заряжающим своими сокровенными мечтами.

– А я после войны буду шить сапоги, – сказал он.

На вопрос Бянкина: «Почему?» – Домешек ответил, что он больше ничего не умеет делать, а сапоги научился шить в окружении, когда скрывался от немцев у сапожника. На этом мечты заряжающего и наводчика оборвались. Они свернули по второй сигарке, молча закурили, лениво сползли с машины, сошли с дороги, расстегнули ремни, уселись друг против друга и густо задымили.

Малешкина окликнул лейтенант Беззубцев:

– Сан Саныч, как вы себя чувствуете?

Саня усмехнулся:

– Слава богу, хреново.

– Взрыватели сняли с гранат?

– Сняли.

– А где твоё доблестное войско?

– А вон. – Саня показал на кусты.

Беззубцев оглянулся, и по угрюмому лицу лейтенанта, как рябь по омуту, пробежала улыбка.

– Посылай за обедом на кухню.

– Ладно.

– Не «ладно», а «есть!» отвечайте, младший лейтенант Малешкин, – резко оборвал Саню Беззубцев и как бы между прочим добавил: – Меня назначили командиром батареи вместо Сергачева.

Саня вскочил и, приложив к шапке руку, повторил:

– Есть, товарищ комбат, виноват – гвардии лейтенант.

Чего хочешь ожидал Малешкин, только не этого. По лицу его в одну минуту пробежали все оттенки душевных волнений: и испуг, и радость, и удивление, и недоумение. Он смотрел вслед Беззубцеву, на его квадратную спину, и все еще не верил своему счастью. Когда Беззубцев оглянулся и погрозил ему кулаком, Саня чуть не задохся от радости: перевернулся на одной ноге и, присев, закричал:

– Ребята! Сергачева сняли с комбатов. Вместо него лейтенант Беззубцев.

Однако ребята не выразили ни радости, ни удивления. Это Саню обидело, и он сердито приказал ефрейтору забирать котелки и отправляться на кухню. Пришел Щербак с тягой и сообщил, что видел Сергачева с вещевым мешком около штабной машины.

– Так ему и надо. Не рой другим яму, – сказал Домешек.

Пока устанавливали тягу, пока обедали, прошел еще час. Снег перестал сыпать. Ветер сматывал с неба за горизонт грязно-серую хмарь, обнажая трехслойные горы облаков. Между ними, как среди льдин в половодье, проглядывали зеленоватые щели с раскаленными алыми краями. В одну из них выглянуло солнце. Искалеченный лес прижался к земле, словно ему очень было стыдно за свою срамоту. Под солнцем лес выглядел до невероятности убогим и загаженным.

Домешек, глядя на него, грустно покачал головой.

– Сколько за эту войну леса погубили!

– И людей! – в тон ему добавил ефрейтор.

Щербак посмотрел на солнце, понюхал воздух и авторитетно заявил, что будет мороз. Никто ему не возражал. И так уже заметно подмораживало. Зябли ноги, зябли руки – все зябло. Домешек галопом обежал три раза самоходку, потом долго размахивал руками и наконец, вскочив на машину, забрался под брезент. Туда же нырнули и Щербак с Бянкиным.

Малешкин влез в шубу, чуть не два раза обернул себя лапами, поднял воротник и уселся на башню. В первый раз за три месяца у Сани на душе было так спокойно, как еще никогда не было. У него есть свой дом-самоходка, замечательный экипаж. И полк, в который он попал, великолепный полк. И товарищи хорошие; правда, посмеиваются над ним, но в этом он сам виноват: как поставил себя, так и пошло. И ребята что надо! Один Пашка Теленков какой!

Потом Саня стал по очереди перебирать начальство. Начал с командира полка, которого так уважал и боялся, что не мог смотреть ему в глаза. Басов когда-то давно сам был простым танкистом, механиком-водителем. Поэтому он и строгий и справедливый. Когда помпозный Андрющенко жалуется ему, что самоходчики опять слопали неприкосновенный запас, то Басов не обращает на это внимания и приказывает выдать новый. От командира полка Саня перешел к начальнику штаба. Поскольку майор Кенарев ничего плохого не сделал Сане, то он решил, что начальник штаба тоже очень хороший человек. О замполите Овсянникове Саня всегда думал с удовольствием. Настоящий командир, старой закалки! У него даже шинель не такая, как у всех. Длинная, до каблуков, и всегда чистая, отглаженная, как новая. Овсянников – всеми уважаемый после Басова начальник. Хотя он меньше всего заботится об этом уважении. Очень уж простой этот Овсянников. Только что была атака, захватили село, на минуту остановились передохнуть, попить водички, и вдруг откуда ни возьмись появляется высокая тощая фигура замполита в кавалерийской шинели. Подходит, снимает фуражку, приглаживает седые волосы. Лицо сморщилось – не то от старости, не то от улыбки: «Ну как, жарко было нынче, ребятки?» Попьет водички, расскажет последние новости или просто так «потравит баланду». А солдату весело и отрадно.

Под Фастовом Санина самоходка была по пушку закопана на передке. Немецкие артиллеристы с летчиками так усердно обрабатывали передний край, что носа из-под машины не высунешь. Санин экипаж безвылазно дни и ночи сидел под самоходкой в яме. Снаряды с бом-

бами так часто и густо падали, что все вокруг тряслось и дрожало, а Мишка Домешек без конца сыпал анекдоты. И только когда начинало темнеть и стрельба с бомбежкой затихала, появлялись с термосами солдаты хоззвода. В один из таких вечеров к ним пришел полковник Овсянников. Он принес почту: письма, газеты и журналы – и остался ночевать в экипаже. Замполит пробыл с ребятами всю ночь, весь следующий день.

А как Овсянников помог Пашке Теленкову! Это было на формировке. Пашка получил письмо от матери, которая, эвакуировавшись из Ленинграда, жила в колхозе. Мать писала, что живет очень тяжело: много работает, а семья голодает. Просила в колхозе коровенку, – отказали. Всем дали, а ей почему-то отказали. Письмо очень расстроило Пашку, и он с горькой обидой рассказал об этом замполиту. Овсянников Пашку тогда очень крепко отругал... А через месяц Пашкина мать сообщила в письме, что из райвоенкомата в колхоз пришла такая строгая бумага, что председатель сам привел ей на двор корову. Теленков побегал благодарить Овсянникова за помощь, а тот сделал удивленные глаза и сказал, что он к этому делу не имеет никакого отношения.

«Может, Овсянников и за меня замолвил словечко, чтоб оставили на батарее, – подумал Саня и твердо уверился в своей догадке, – конечно, он!»

– Заводи! – разноголосо понеслось по колонне.

Саня вскочил, замахал рукавами шубы.

– Щербак, заводи!

Колонна затрещала, зарычала, захлопала, окутываясь густым, удушливым дымом. Начало смеркаться, когда полк оставил позади расстрелянный лес. Неподалеку от него рос молодой дубок. Он так крепко держался за землю и так был жаден до жизни, что не уронил ни одного листика. Тонконогий, стройный, он стоял посреди дороги, вызываясь вскинув лохматую рыжую голову. Земля вокруг дубка была изъезжена, испахана, искромсана. Его пощадил и снаряды, и бомбы, и танки, и колеса машин, и солдатские сапоги. Последняя Санина самоходка прогремела мимо деревца, и дубок тоже остался позади, и его поглотила серая мгла вечера.

Самоходки, задрав вверх пушки, набирали скорость. По сторонам тянулись голые поля Житомирщины. Проехали мимо пепелища. Видно, здесь стоял дом с надворными постройками. Теперь же осталась одна печка с трубой. И торчала она как одинокий зуб во рту старика.

Когда совсем стемнело, выбрались на шоссе Киев – Житомир и пошли домолачивать оставшийся асфальт. Саня вспомнил о провисшей гусенице, а в сердце закралась тревога: «Как бы она не свалилась!» Но, не проехав и двух километров, свернули с шоссе и опять потащились полем по грязной, разбитой дороге. Саня успокоился.

Машину кидало из стороны в сторону, из-под гусениц летела грязь с водой. Наводчик с заряжающим сидели на решетке трансмиссии. Когда туда стали залетать ошметки грязи, перебрались в боевое отделение. Малешкин по-прежнему торчал на башне, свесив в люк ноги, кутаясь в воротник шубы. Дул сильный, упругий ветер, была такая густая темень, хоть ножом режь. То вспыхивал, то пропадал кровавый огонек стоп-сигнала впереди идущей машины.

Сане надоело торчать на ветру, и он спустился в машину. Бянкин с наводчиком доедали оставшуюся от обеда кашу. Саня напялил на голову шлемофон, включил рацию и стал ловить веселую музыку. Он исколесил весь диапазон – веселой музыки не было. Москва передавала какую-то тягучую симфонию, фрицы наяривали свои собачьи марши. Какой-то радист настойчиво вызывал «Юпитера».

– Юпитер, Юпитер, я Сатурн, – монотонно повторял он, – даю настройку... Раз, два, три, четыре, пять – прием...

Саня поставил стрелки на заданные волны, подцепил под горлом ларингофоны, включил передатчик и стал вызывать Пашку Теленкова.

– Липа, Липа, я Ольга. Как слышишь меня, Липа? Даю настройку. Раз, два, три... – Саня сосчитал до десяти, потом в обратном порядке до единицы и переключил рацию на прием. «Липа» не ответила. Саня стал вызывать «Осину», то есть командира второй самоходки, младшего лейтенанта Чегничку. «Осина» тоже молчала. Малешкин решил вызвать машину комбата. Но сколько он ни кричал: «Сосна, Сосна, я Ольга!» – ему никто не ответил. Тогда Саня осмелился связаться с машиной командира полка.

«Хопер» неожиданно ответил. Связь держал лейтенант Наценко. Он приветствовал Саню и спросил, что ему надо. Саня сказал, что ему ничего не надо, а связался он с ним просто так, от скуки. Наценко обозвал Малешкина ослом. Саня не обиделся. Другого ответа он и не ожидал от Наценки.

На днище самоходки, прижавшись друг к другу, скрючились наводчик и заряжающий. Грохотал мотор, самоходка дребезжала и звякала, а Домешек с ефрейтором Бянкиным спали. Саня сел в уголок, привалился к снарядам, завернулся в шубу и закрыл глаза. Трудно сказать, сколько он продремал – минуту, а может, и час. Разбудил его истошный голос комбата.

– Малешкин, в бога твою мать и селезенку! – кричал Беззубцев.

Саня выскочил из машины и, не понимая, за что его так поносит комбат, пролепетал:

– Я младший лейтенант Малешкин.

– Спишь? Почему в машину забрался? Где твое место? Машину мне хочешь угробить? Один угробил, теперь ты?

Отматерив Саню, комбат приказал ему сидеть на башне и внимательно следить за дорогой.

– Сейчас свалилась с моста самоходка третьей батареи, – сообщил Беззубцев.

– Как же так?

– А вот так. Такой же там сидит командир, как ты, раздолбай! Слезь и проведи машину, – приказал комбат.

Саня прыгнул с машины и пошел вперед. Деревянный узкий мостик через крохотную речушку вынырнул перед носом. Проходя, он посмотрел вниз под мост и увидел самоходку вверх гусеницами. Около моста стоял экипаж.

– Чья машина? – спросил Саня.

– Лейтенанта Соболева, – равнодушно ответил кто-то.

«А ведь могло бы и со мной так», – подумал Саня, и его от макушки до пят передернул озноб.

Чтоб лучше видеть дорогу, Саня сел на крышку люка механика-водителя. И так просидел часа два, рискуя каждую минуту свалиться под гусеницу. От холода он окостенел, но не слез, пока не въехали в большое село. Здесь полк остановился на ночлег.

Батареи разбросали по окраинам огромного села с чудным названием Высокая Печь. Четвертой батарее досталась самая отдаленная окраина – северо-западная. Пока ехали, пока выбирали стоянки для самоходов, прошло не меньше часа. Малешкину отвели вишневый сад и белую, как игрушка, хатку с яркими окнами. Загоняя в сад машину, Саня не спускал глаз с окон и представлял себе, как их встретит гостеприимная хозяйка с молоденькой дочкой, нажарит картошки с салом и выставит бутылку самогонки. Потом Домешек станет из кожи лезть, чтоб рассмешить хозяйку с дочкой. А дочка, слушая брехню наводчика, будет украдкой лукаво поглядывать на Саню. Примерно так же, как командир, представляли себе ночлег и наводчик с заряжающим. Мечты Щербака были грубее. Он думал о чугуне картошки и теплой печке, на которую он сразу же закатится спать.

Замаскировав самоходку, экипаж бегом бросился к хате. У крыльца они увидели машину, крытую брезентом, и солдата с автоматом. Он перегородил им дорогу.

– Кругом! – крикнул солдат.

– Почему? – спросил Домешек.

Солдат снял с плеча автомат.

– Не велено пущать.

– Кто это не велел? – вспыхнул Саня.

– Товарищ майор Дядечка. Они здесь ночуют. – Солдат взял на руку автомат и наставил на Малешкина. – Поворачивай кругом, марш! Стрелять буду.

Ефрейтор Бянкин отодвинул в сторону командира, вплотную подошел к солдату:

– Убери свою штуку. А то я тебе так стрельну, штанов не удержишь. Пошли, ребята!

Ефрейтор, не обращая внимания на крики, угрозы часового, пошел к крыльцу.

В хату ввалились гуртом. Солдат выскочил вперед.

– Товарищ майор, никак не слушают. Я им – назад, стрелять буду, а они прут. А этот, – показал солдат на Бянкина, – за автомат хватает.

От яркого света Саня чуть не ослеп. В хате было так тепло, что сразу же обмякло тело. За столом в расстегнутом кителе сидел тучный майор. Он пил чай. Напротив майора – черноглазая женщина с коротко стриженными волосами, в гимнастерке с погонами старшины лениво ковыряла ложкой творог. Стол был уставлен тарелками и мисками, среди которых торчали две черные бутылки. На краю стола попискивал самовар с чайником на конфорке. Откинув ситцевую занавесочку, из кухни вышла хозяйка и остановилась, заложив под передник руки.

– Так, – крикнул майор Дядечка, вытер полотенцем шею и уставился на Саню.

Малешкин козырнул.

– Товарищ майор, эта хата отведена моему экипажу под ночлег.

Женщина за столом подняла глаза и усмехнулась, покачала головой и опять уткнулась в тарелку.

– Как фамилия? – прохрипел майор.

– Младший лейтенант Малешкин.

– Младший лейтенант Малешкин, кругом!

– Товарищ майор, разрешите переночевать, хоть у порога. На улице морозище, замерзнем. Всю ночь ехали, устали...

Майор Дядечка так рявкнул «кругом!», что пламя в лампе взметнулось багровым хвостом, а Саня с экипажем выскочил на улицу. Когда младший лейтенант Малешкин опомнился, солдат с автоматом опять стоял у крыльца, широко расставив ноги.

– Я же говорил, что не пустит. Дюже злой майор Дядечка, как собака. – Часовой еще что-то хотел сказать про своего начальника, но, видимо, не найдя крепче слов, жалобно протянул: – Товарищи танкисты, дайте закурить!

Щербак обложил солдата трехэтажным матом.

– А он-то при чем? – вступился за часового Домешек. – На, кури, бедняга. Не завидую я твоей службе. Какой части-то?

– Снабженцы, – отозвался солдат. – Разное барахло возим.

– Я так и знал – чмошники проклятые. А эта баба – майорова ппж? – спросил ефрейтор.

– Черт их разберет. – Солдат вытащил из кармана огромную «катюшу» – патрон от крупнокалиберного пулемета.

– А ты всю ночь так и будешь здесь торчать с автоматом?

Солдат долго бил рашпилем по кремню, пока не затлел толстый фитиль, прикурил и вместе с дымом выдохнул:

– Не-е-е! Мои сменщики в машине спят.

– Майор Дядечка свое дело туго знает, – сказал наводчик.

– Ну и гад! Собственных солдат на мороз выгнал. Таких людей, как клопов, давить надо. –

Щербак показал, как надо давить, и погрозил кулаком.

Саня с тоской поглядел на небо. Оно было темное, прожженное крохотными колючими звездами. «Как дырявая печная заслонка», – подумал Саня о небе и перевел глаза на снег.

Он показался ему лиловым. Малешкин почувствовал, что замерзает и если простоит так еще десять минут, то превратится в сосульку.

– А еще говорят, на Украине зимы мягкие, – лязгая зубами, простонал Саня.

И вдруг водителя прорвало. На нем была куца и отвердевшая, словно кирза, фуфайка. Руки чуть ли не по локоть вылезали из ее рукавов. Никто так не страдал от холода, как Щербак.

Сначала он долго ругался так изобретательно и ожесточенно, что даже ефрейтор Бянкин свистнул. А потом закричал:

– Чего на него смотреть? Ахнуть из пушки. Давай, лейтенант, я разверну, а ты ахнешь!

– Заткнись, Гришка! Испугался он твоего крика.

– Криком его не примешь. Он толстокожий, – подхватил часовой. – Давай, ребята, куда-нибудь отселева. А то он меня завтра с потрохами сожрет.

– А, боитесь! – заревел Щербак. – Сейчас я с ним один расправлюсь. – И он бросился к машине.

– Щербак, вернись. Я приказываю: вернись! – закричал Саня, но водитель даже не оглянулся.

Самоходка, рыча, поползла к хате. Саня бросился ей наперерез.

– Стой! Стой! – закричал Малешкин.

Щербак остановился.

– Ты что задумал, идиот? Хочешь, чтобы всех под трибунал?

– Не бойтесь, лейтенант. Я их давить не буду. Я их выкуривать буду!

Саня опешил:

– Как это выкуривать?

– Поставлю машину выхлопными трубами к окнам и заведу. Увидите – майор со своей стервой, как ошалелый, из хаты выскочит.

– А что? Идея! – подхватил Домешек. – Давайте, лейтенант, попробуем. Если он побежит жаловаться, скажем – прогревали мотор.

Саня посмотрел на Бянкина:

– А что ты скажешь?

– А чего мы теряем? – сказал заряжающий.

Решили попробовать. Самоходку выхлопными трубами подвели под окно. От шума солдаты в машине проснулись и, узнав, в чем дело, обрадовались. Часовой убежал в хату.

Саня с экипажем на всякий случай закрылись в машине. Щербак завел мотор и стал потихоньку газовать. Из дома выскочил майор, подбежал к самоходке и, стуча по броне рукояткой пистолета, завопил:

– Прекратить! Я требую прекратить немедленно!

Механик заглушил мотор. Наводчик приподнял люк и удивленно спросил:

– В чем дело, товарищ майор?

– Что это значит?

– А ля герр ком а ля герр, – ответил Домешек.

– Что? – взревел Дядечка.

– На войне как на войне. Действуем в соответствии с обстановкой, товарищ майор. – И Домешек захлопнул люк.

Майор чуть не задохнулся от злобы.

– Прекратите безобразничать! Лейтенант Малешкин!

– Мы не безобразничаем! Мы прогреваем мотор, – ответил Саня.

Майор забегал вокруг самоходки, потом взобрался на башню и, безобразно ругаясь, долго колотил каблуками крышку люка. Наконец он выдохся и, пригрозив Малешкину трибуналом, ушел в хату.

Щербак опять завел мотор и так газанул, что задрожали рамы.

Так он газовал минуты две. На машину взобрался часовой и забарабанил прикладом автомата.

– Эй, танкисты, глуши душегубку! В хате не продохнешь. Товарищ младший лейтенант, майор Дядечка просит вас в хату.

– Зачем? – спросил Саня, не открывая люка.

– Не знаю. Идите, младший лейтенант, не бойтесь. Он, кажется, труханул порядочком, – заверил солдат.

Саня посмотрел на Бянкина. Тот утвердительно кивнул головой, а Домешек добавил:

– Если что, мы из него окрошку состряпаем.

Когда Саня вошел в хату, в ней пахло выхлопными газами.

Майор Дядечка стоял, глубоко заложив руки в карманы шаровар. На его мясистом багровом лице было столько брезгливости, а в маленьких глазах столько злобы, что Саню пере-дернуло.

– Значит, машину прогреваете? – спросил майор.

– Так точно, товарищ майор. – И Саня щелкнул каблуками.

– Ну и хлюст же ты, Мале-е-ешкин, – майор так протянул в слове «Малешкин» букву «е», словно их там было не меньше десятка. – Кажется, и смотреть не на что, а ведь до чего додумался. Ну и ну... – Дядечка зевнул. – Можете располагаться здесь, на полу. Один может спать на печке. Лично вам, младший лейтенант Малешкин, рад бы предложить отдельную постель, но я здесь не хозяин. Сам сплю на лавке. А завтра мы с вами поговорим, Мале-е-е-ешкин.

Хозяйка приволокла ворох соломы, бросила под головы шубу, а вместо одеяла – грубую самотканую дерюгу.

Майор Дядечка спал на двух сдвинутых скамьях под шинелью. Хозяйка сжалась над Щербаком, пустила его на печку, а сама легла на широкую деревянную кровать. Малешкин, сняв сапоги, забрался под дерюжку, с боков к нему привалились наводчик с заряжающим.

Сане не спалось. Он и сам не мог понять, что ему мешало. Двумя лиловыми пятнами маячили окна. С улицы доносился неразборчивый говор солдат, который поминутно прерывался хохотом. На печке с клекотом, как взнузданный конь, захрапел Щербак. К нему присоединился майор Дядечка и с таким азартом принялся драть горло, как будто по хате поехала, лязгая гусеницами, самоходка. Слева фистулой засвистел Домешек, справа рассыпал горох ефрейтор Бянкин.

– Фу ты, черт возьми! – прошептал Саня, скрючился и заткнул пальцами уши.

Проснулся он позже всех. В окна глядело солнце, и в хате было светло и жарко, как в фонаре. Саня долго тер кулаками глаза, а когда протер их, то увидел, что Домешек с хозяйкой чистят картошку. Кроме них, в хате никого не было.

– А где майор? – спросил Саня.

Домешек загоготал, и хозяйка засмеялась, обнажив ровную, плотную полоску зубов.

– Чуть свет, не завтракавши, укатил. Во как вы его напугали.

Саня обратил внимание, что хозяйка довольно-таки недурна. Ночью-то он ее не рассмотрел как следует, а сейчас с удовольствием поглядывал на ее высоко вздернутые брови, мягкий румянец, на полные руки, на высокую грудь. Хозяйка, перехватив взгляд офицера, покраснела и отодвинулась от Домешека, который все плотнее и плотнее прижимал колено к ее бедру.

«Уже клинья подбивает», – Саня поморщился и спросил про Щербака с заряжающим. Узнав, что они ушли за завтраком, Саня еще больше поморщился, однако ничего не сказал. Он скинул фуфайку с рубашкой и, оставшись по пояс голый, пошел на улицу. Следом за ним с ведром воды и полотенцем вышла хозяйка.

Младший лейтенант Малешкин мылся с усердием и кричал от удовольствия, хотя вода была так холодна, что у него замирало сердце. Хозяйка вылила на спину Сане полный ковш ледяной воды. Саня ахнул и завертелся, как уж, хозяйка захохотала и бросила Сане поло-

тенце. Малешкин с таким ожесточением растирал кожу, словно собирался содрать ее с костей. Хозяйка смотрела на него, насмешливо щурила глаза, а потом, вздохнув, сказала:

– Ну и худющий же ты, хлопчик. Вылитый шкилет. В фуфайке как будто еще на человека похож, а так и смотреть не на что.

Младший лейтенант Малешкин оскорбился, и хозяйка в его глазах мгновенно из красавицы превратилась в глупую вздорную бабу.

«И чего в ней хорошего: долговязая лошадь», – думал он, глядя, как хозяйка, высоко вскинув голову, помахивая ведром, шагала к колодцу.

Саня оделся, принял командирский вид, то есть напыжился, и, придав лицу холодное выражение, старался не обращать на хозяйку внимания. Но когда она со словами: «Отчипись, сатана!» – звезданула наводчика по уху и тот пробкой вылетел из кухни, Саня перестал дуться, простил хозяйке обиду и даже поинтересовался, как ее зовут.

– Антонина Васильевна, – ответила хозяйка и так посмотрела на Саню зелеными глазами, что младшему лейтенанту Малешкину стало жарко.

подавив смущение и придав голосу абсолютное безразличие, он спросил:

– А муж-то где твой, Антонина Васильевна?

– А где ж ему быть? Воюет, – с такой легкостью ответила Антонина Васильевна, словно муж за хатой рубил дрова.

– За кого? За нас или за немцев? – спросил Домешек.

Лицо у хозяйки мгновенно погасло, и она укоризненно посмотрела на Домешека.

– А кто ж знает! Как ушел, так ни разу и не откликнулся.

– Если с нами, откликнется, – заверил наводчик.

– Дай-то бог, – вздохнула хозяйка и, подойдя к зеркалу, поправила волосы. А спустя минуту она была прежней: опять скалила зубы, язвила, поддевала Саню и легко, словно на крыльях, носилась по хате. Ухо у Домешека, видимо, остыло. Он не сводил с нее глаз, поминутно одергивая гимнастерку, ходил за хозяйкой по пятам и молот несусветную чепуху. А она беззаботно и заразительно хохотала. А когда наводчик увязался за Антониной Васильевной в погреб за огурцами, Сане стало не по себе. Пять минут ему показались вечностью. Все эти пять минут он страдал от ревности и проклинал свою робость. Когда они пришли из погреба с огурцами, Саня пытался по их лицам определить, что у них там было. Но так ничего и не понял. Антонина Васильевна смеялась и зубоскалила, а Домешек по-прежнему ходил за ней и все одергивал гимнастерку. Как Саня ненавидел в эту минуту своего наводчика! Он знал, что у Домешека на уме. Он же влюбился в хозяйку по-настоящему с первого взгляда, как влюблялся почти в каждом селе, в каждом доме, везде, где только можно было влюбиться.

Пришли Щербак с ефрейтором, принесли два котелка холодного супа, четыре куска мяса, хлеб и водку.

– Чертова кухня, в такую даль забрались. Пока шли, суп замерз, – ругался Щербак.

– Незачем было таскаться. Что б я вас – не накормила? – говорила хозяйка, накрывая на стол. Она поставила ведерный чугунок вареного картофеля, миску огурцов, миску квашеной капусты и тарелку с салом. Потом выскочила в сени, вернулась, загадочно улыбаясь, держа руки под фартуком, и под дружный возглас «о-о-о!» выставила большую темную бутылку самогонки. У Щербака от радости выступили слезы. Он восхищенно посмотрел на хозяйку, потом на бутылку и сказал:

– Ух ты, моя ненаглядная!

Никто не понял, кого он назвал ненаглядной – бутылку или хозяйку.

Даже серьезный ефрейтор Бянкин засмеялся. Антонину Васильевну хохот согнул пополам.

– Умру... ей-богу, умру. Ну и комики! – задыхаясь, бормотала она, но, случайно взглянув в окно, притихла и, подняв палец, прошептала: – Тсс, хлопцы! Какой-то важный начальник в папахе к нам.

– Полковник Овсянников. Вот уж некстати, – сказал наводчик и выразительно мигнул Щербаку. Тот сунул бутылку под стол.

Через порог шагнул замполит Овсянников. Снял папаху, пригладил жесткие седые волосы.

– Хлеб да соль!

Экипаж Малешкина дружно ответил: «Спасибо, товарищ полковник!» Саня вскочил и стал приглашать Овсянникова за стол.

– А что у вас вкусенького? – поинтересовался Овсянников и, узнав, что горячая картошка с огурцами, охотно согласился.

– Если, конечно, хозяйюшка не против? – Он подошел к Антонине Васильевне. Она испуганно вскочила, отерла о фартук руку и боязливо подала полковнику.

– Как величать-то?

– Антониной Васильевной, – прошептала хозяйка.

– А меня Тимофеем Васильевичем; выходит, что мы с вами по батькам тезки. А горяченькой картошки-то поем, Антонина Васильевна. С удовольствием поем.

– Сидайте, Тимофей Васильич. – Хозяйка метнулась в кухню за табуреткой, потом к сундуку за рушником.

Осип Бянкин разделил помпохозовскую водку; подвигая стакан Овсянникову, попросил его выпить с экипажем. Полковник взял стакан, покачал головой.

– Не пью я, вот ведь беда-то какая. А сегодня немножко выпью. Как говорят пьяницы, повод есть. – Он перелил водку в стакан ефрейтора, оставив себе на доньшке. – Выпьем за освобождение Житомира, Бердичева, Белой Церкви. Что вы на меня так смотрите? Очень серьезно говорю. Войска нашего фронта расширили прорыв до трехсот километров и продвинулись в глубину на полтораста. Манштейн со своей ордой покатился на запад. За полную победу! – И Овсянников поднял стакан.

Выпили и набросились на картошку с огурцами. Овсянников ел жадно, обжигаясь.

– А вы, товарищ полковник, наверное, со вчерашнего дня не ели? – заметил Бянкин.

Овсянников усмехнулся:

– Заметно?

– Еще бы!

– Верно, – вздохнул Овсянников. – Как встал, так и пошел по экипажам. А они по всему селу разбросаны, батарея от батареи на километр. А как не пойдешь, не сообщишь такие вести. Сами ноги бегут. А мне уже на седьмой десяток перевалило.

– Правильно, товарищ полковник! – воскликнул Щербак. – За это надо еще выпить! – и вытащил из-под стола бутылку.

Овсянников удивленно посмотрел на Щербака.

– За что же это выпить, старшина? За то, что мне седьмой десяток пошел? Уберите, уберите, старшина, чтоб и глаза мои не видели. – Овсянников укоризненно посмотрел на хозяйку. – Балуете вы их, Антонина Васильевна.

Антонина Васильевна высоко вскинула брови.

– Так они ж гости, товарищ полковник! Сколько время мы вас ждали! А потом они уж больно хлопцы славные.

Овсянников засмеялся.

– Нравятся?

– Очень. Особенно лейтенант. – И она нежно посмотрела на Саню.

Саня втянул голову в плечи и боялся оторвать глаза от тарелки.

Антонина Васильевна захохотала.

– А застеснялся-то, как красная девица. Товарищ полковник, почему он у вас такой застенчивый?

Овсянников похлопал Малешкина по спине.

– Что ж это, Саня, такая интересная женщина, а ты и не поухаживаешь? Я бы на твоём месте...

Овсянников с такой грустью посмотрел на хозяйку, что та присмирела и тихо сказала:

– Ваш лейтенант молодец. Как он вчера майора выкуривал. Живот от смеха надорвешь.

– Моя идея, – гордо заявил Щербак. Сидел он мрачный и проклинал себя за то, что вытащил бутылку.

– Что-что? Какая идея? – оживился полковник. – Кто здесь кого выкуривал? Малешкин, что вы опять натворили?

Малешкину пришлось все рассказать. Овсянников слушал внимательно, и его обычно строгое лицо теперь было грозным. А когда Саня стал описывать, как майор с пистолетом бегал вокруг самоходки и кричал: «Прекратите, стрелять буду!» – полковник закрыл руками лицо, и все его большое сухое тело затряслось от смеха.

Насмеявшись вволю, Овсянников вытер глаза, стал одеваться. Поблагодарив Антонину Васильевну за угощение, попрощавшись со всеми за руку, замполит попросил Малешкина проводить его немножко.

Они вышли на улицу. Был тихий, ясный декабрьский день. Снег, переливаясь, блестел и резал глаза, повизгивал под ногами. Заиндевелый вишневый садик сиял как стеклянный. Воздух был чист, свеж и прозрачен. Каждый звук в нем звучал долго, отчетливо и звонко. Самоходка, подняв вверх пушку, тоже побелела от инея.

Они прошли от крыльца до колодца. Овсянников остановился, поправил на голове Сани шапку.

– Значит, майора Дядечку выкурили. Озорники! – Слово «озорники» у полковника прозвучало как «молодцы». Овсянников сел на обледенелый сруб колодца и пытливо посмотрел на Малешкина. – Ребята твои, наверное, сейчас за бутылку принялись. Они только и ждали, когда я уйду! Мне даже совестно стало. Тут, видимо, ничего не поделаешь. А ты побудь со мной. Выпьют – и пойдешь.

Саня усмехнулся:

– Оставят, товарищ полковник.

Лицо у полковника опять стало грозным.

– Вообще водка – гадость, а пить ее с подчиненными – вдвойне гадость. А ведь ты пьешь с ними?

Саня посмотрел на небо, потом на полковника и кивнул головой.

– Если хочешь быть настоящим офицером, прекрати. С сегодняшнего дня прекрати.

Саня удивленно посмотрел на замполита:

– Так водку ж дают. Положено.

– Что «положено»? – нахмурился Овсянников. – Я разве про эти сто граммов говорю? А я и эти сто граммов не пью. И никогда не пил. Еще Аристотель сказал: «Пьянство – добровольное сумасшествие». Знаешь, кто такой Аристотель?

Саня вздохнул и чистосердечно признался, что слышал, но кто он такой, не знает.

– Вот то-то оно и есть, что ничего вы не знаете и знать не хотите. Чем вы занимаетесь на отдыхе, формировке? – спросил полковник и сам ответил: – Бездельничаєте. Редко увидишь, чтоб офицер на отдыхе читал книгу. Малешкин, почему ты ничего не читаешь?

От удивления у Сани даже открылся рот.

– А где книги?

– Было бы желание, а найти всегда найдешь, – сказал Овсянников. – У командира машины второй батареи Васильева целая библиотечка. Ему каждую неделю из тыла невеста присылает книжку. Вот, брат, каких девушек-то надо иметь, а не таких, которые только дерут с вас, дураков, денежные аттестаты.

Саню вначале бросило в жар, потом в холод: «Откуда ему все известно?»

Дело в том, – впрочем, опять виноват не Саня, а Теленков, – что Пашка переписывался с одной девушкой из Москвы. Сане тоже очень хотелось переписываться. Он и упросил Пашку познакомить его через свою подругу с кем-нибудь. Вскоре Саня получил письмо с фотографией писаной красавицы. Малешкин влюбился в нее сразу, да так, что, когда красавица попросила денежный аттестат, Саня, не задумываясь, выслал. На этом любовная связь и оборвалась. Оборвалась она и у Пашки Теленкова. Единственно, что утешало Саню, это то, что он аттестат выслал на полгода, а его приятель на весь год. Друг другу они поклялись хранить это в глубокой тайне. «Кто ж об этом рассказал? Наверное, начфин», – решил Саня. К начфину он обращался с просьбой вернуть аттестат обратно.

– Матери-то, наверное, ни копейки не послал? – спросил Овсянников. – А какой-то трясогузке всю зарплату.

Саня закусил губу, опустил голову и до тех пор не поднимал, пока Овсянников не кончил обличать его в невежестве, неряшливости и еще во множестве пороков, которые полковник Овсянников знал наперечет. Саня слушал и со всем соглашался. Что ж ему оставалось делать? Закончил Овсянников на том, что якобы он еще не потерял надежды увидеть Саню примерным командиром, так как времени для исправления у него хоть отбавляй. Полковник взял с него слово, что гвардии младший лейтенант Малешкин с сегодняшнего дня прекратит пить водку с экипажем. Саня, обрадованный, что «лекция» на этом кончается, пообещал не только с экипажем, но и вообще ее не пить.

Пока Саня провожал замполита, его экипаж опорожнил бутылку и доел огурцы с капустой. Командиру была оставлена кружка мутной самогонки. – Ваша доля, лейтенант, – сказал Щербак, подавая ему кружку и ломоть хлеба с салом. – Хлебните-ка во славу русского оружия.

Саня взял кружку, понюхал, поморщился.

– Чего ее нюхать? Откройте пошире зевальник, одним махом хоп – и в дамках! – посоветовал Щербак.

– Да он не умеет! – засмеялась Антонина Васильевна.

– Это я-то не умею? – возмутился Саня, но, вспомнив про зарок, решительно прошел в кухню и вылил самогонку в помойную лохань.

– Вот так. Понятно? – сказал он.

С минуту экипаж обалдело смотрел на командира. Молчание прервал Домешек.

– Понятно, товарищ гвардии младший лейтенант. Даже больше чем наполовину.

Саня посмотрел на Антонину Васильевну и по ее кривой усмешке и плотно сжатым губам понял, что она тоже недовольна.

– А мы-то ему больше всех оставили, – с горечью сказал Щербак.

– А как же, он у нас командир, офицер, – пояснил Осип Бянкин.

– Кто вам дал право обсуждать мои действия? – спросил Малешкин.

– А мы и не собираемся обсуждать. Вы, товарищ младший лейтенант, не только нас, но и хозяйку обидели, – сказал Бянкин.

Саня понял, что дал маху, а это еще больше обозлило его.

– Молчать! – закричал он. – Щербак, немедленно прогрей машину!

Щербак засопел и, схватив шапку с фуфайкой, выскочил на улицу. За ним вышли и Домешек с Бянкиным. На крыльце они остановились, стали закуривать и о чем-то разговаривать. «Наверное, обо мне», – подумал Саня и так сморщился, словно у него заныли зубы.

Размолвки с экипажем случались часто. Саня переживал их болезненно. Но по своему характеру долго сердиться не мог и первым шел на мировую.

Антонина Васильевна, убрав со стола, принялась заметать хату. Выкинув за дверь соломенную подстилку, она ожесточенно шаркала веником. Около Сани она разогнулась, заправила под платок волосы и мягко улыбнулась.

– Ребята на тебя осердились, товарищ лейтенант. А ведь в бой-то вместе пойдете. – Она покосилась на темный циферблат ходиков и охнула: – Царица небесная! Одиннадцатый час, а у меня корова не доена! – Бросила веник, схватила подойник и побежала доить корову. Открыв дверь, остановилась: – Скоро поедете-то?

– Не знаю. Впрочем, наверное.

– Может, успеете еще молочка похлебать, – хлопнула дверью.

Малешкин походил по хате, остановился у окна. Стекла промерзли насквозь и заплыли льдом. Саня лизнул и сплюнул. Лед показался ему соленым. Он совершенно не знал, что делать. Поднял веник и стал дометать пол. Через минуту бросил. Махать веником показалось ему ниже его офицерского достоинства. Саня оделся и пошел к самоходке.

Его экипаж усердно трудился. Щербак набивал солидолом масленку, наводчик надраивал казенник пушки, заряжающий чистил днище. Когда экипаж переходил с командиром на вы, то особенно следил за чистотой и порядком в самоходке. Это был весьма прозрачный намек Сане на то, что экипаж и без командира сам отлично знает, что ему делать, и великолепно может существовать без младшего лейтенанта Малешкина.

Саня спустился в машину и спросил, чем они занимаются. Вместо ответа Осип Бянкин в неприятной форме сделал командиру выговор, суть которого заключалась в том, что он не покладая рук чистит машину, а другие ее только... Тут заряжающий выдал такое словечко, что Малешкина затрясло от бешенства. Огромной силой воли он сдержал себя и спокойно заметил, что так с командиром не разговаривают.

– А как же еще с вами разговаривать? – возмутился ефрейтор. – Сколько раз говорил вам очищать ноги! А вы что? Посмотрите, сколько на сапогах приволокли снега.

Саня посмотрел на ошметки грязного, талого снега и отвернулся.

Минут пять работали молча. Саня старательно очищал грязь с панелей радиостанции и ждал, кто же воткнет ему очередную шпильку. Не выдержал Щербак; сначала он обругал помпотеха, который мало отпускает ветоши на протирку, потом Малешкина.

– Если вы, командир, будете понапрасну гонять рацию и разряжать мне аккумуляторы, я доложу помпотеху, – заявил он.

Саня мужественно смолчал, хотя кто знает, чего ему это стоило. Окончательно добил Саню наводчик. Он вытащил из-под пушки противогаз и спросил:

– Чей?

С противогаза ручьем стекало масло.

– Товарища гвардии младшего лейтенанта Малешкина, – громко объявил ефрейтор.

Домешек бросил Сане под ноги противогаз и объявил перекур. Экипаж оставил Саню в машине одного, а сам выбрался наверх покурить.

«Как будто здесь не могли, – горько усмехнулся Саня. – Специально хотят подчеркнуть, что я для них ничто, круглый нуль. И быют-то как, подлецы! И синяков не оставляют. Ни к чему не придерешься. Они кругом правы, я кругом виноват. Ну как теперь с ними мириться? А мириться надо. Иначе затюкают».

Саня вспомнил, что у него где-то запрятана на черный день пачка легкого табака. Саня разыскал ее, вылез из машины и со словами: «Закурим моего легонького, офицерского» – положил табак на колени ефрейтора.

Все потянулись за легким табаком, молча свернули сигарки. Саня тоже свернул, похлопал по карманам и выжидательно посмотрел на Домешку.

– Ком глих, – сказал наводчик.

– Чего, чего? – переспросил Бянкин.

– По-немецки «ком глих» – сейчас, – пояснил наводчик, вынимая из потайного кармана зажигалку. Зажигалка у него была трофейная и очень срамная. Домешек ею дорожил и гордился. Осип Бянкин, наверное, сто раз любовался зажигалкой и столько же возмущался. И сейчас он вертел в руках зажигалку и ухмылялся.

– Невесте такую похабель подарить вместо обручального кольца! Глупость и похабель. Хошь заброшу? – Ефрейтор занес руку.

Домешек от испуга посерел:

– Ты что?! Ты что?! Слышишь, не дури!

Бянкин еще раз с омерзением посмотрел на зажигалку и бросил ее наводчику.

– Все, больше ты ее не увидишь, – сказал Домешек и запрятал зажигалку под бушлат.

– Вместе с комсомольским билетом хранишь? – спросил Бянкин. – Что ты мне головой мотаешь? Факт, вместе.

– А я комсомольский билет потерял, – неожиданно заявил Щербак.

– Потерял?! Где?

Саня машинально сунул руку за пазуху и успокоился. Комсомольский билет был на месте.

– Это когда я еще был в учебном полку. Хотели выдать новый. Потом раздумали, сказали, что я из возраста вышел.

– И тебе предложили вступить в партию? – спросил наводчик.

Щербак исподлобья посмотрел на Домешека, махнул рукой и отвернулся.

После этого надолго замолчали. От нечего делать свернули еще по сигарке. На этот раз прикуривали от «катыши». «Катюша» у Бянкина была превосходная, от одной искры срабатывала.

Саня чувствовал, что экипаж ждет, когда командир начнет каяться. Он мучительно раздумывал, как бы это дело повернуть так, чтобы не очень-то было унижительно и чтоб экипаж остался доволен.

Он решил начать издалека.

– А ты, Домешек, неплохо немецкий язык знаешь.

Наводчик самодовольно ухмыльнулся:

– С филфака Одесского университета на фронт ушел.

– С чего? С фигфака? – серьезно переспросил Бянкин.

– С филологического факультета, бревно нетесаное.

Бянкин, видимо, хотел ответить, но, не найдя веских слов, сплюнул окурок и уставился на Саню, как бы давая ему понять: все, что говорилось, ерунда, я жду, голубчик, какой ты поведешь разговор.

– А я с самого начала невлюбил немецкий язык, – заявил Малешкин. – В школе совсем не учился, только немку изводил. Эх, и поплакала же она от меня! – Саня стал подробно рассказывать, как он безобразничал на уроках немецкого языка, как его за это исключили на месяц из школы и как потом отец его порол. – С тех пор я так возненавидел фрицев, что готов их, гадов, душить вот этими собственными руками. – Малешкин показал руки и сжал кулаки.

Однако ни самобичующий рассказ, ни патриотический порыв не тронули экипаж. Щербак смотрел в одну точку, Домешек насвистывал «Темную ночь».

– Все? – спросил ефрейтор Бянкин.

От этого вопроса Саня сморщился, словно проглотил горсть недозрелой клюквы, и стал горячо доказывать, что сердиться совершенно не на что, да и глупо, так как экипаж – одна семья и делить им нечего, и что скоро вместе в бой пойдут, и что он как командир ничего для них не жалел и не пожалеет. В доказательство своих слов Саня разделил табак на четыре части. Экипаж молча забрал табак и рассовал его по карманам.

– Ну что же вы молчите, черт возьми? Это ж в конце концов обидно! Ну виноват я с этой самогонкой, виноват, – с какой-то отчаянной решимостью выдал Саня.

Бянкин заулыбался. Вероятно, он был доволен. Домешек усмехнулся.

– А мы тебе, лейтенант, больше всех оставили. А ты ее в помойное ведро свиньям. Обидно. Так обидно, аж слезу давит, – пожаловался Щербак.

– Ну хватит тебе! Давит! Расчувствовался! – прикрикнул на водителя ефрейтор. – Извинился лейтенант, и ладно. Ставим на этом точку. Вон и комбат, кажется, к нам катит.

От дороги к дому бежал лейтенант Беззубцев. Тропинка, видимо, для него была слишком узка. Оступаясь, он переваливался с боку на бок и нелепо размахивал руками. Не добежав до машины, комбат подал сигнал: «Заводи!»

Щербак полез в люк. Саня с Бянкиным и наводчиком бросились в хату за вещмешками. Антонина Васильевна, узнав, что гости уезжают, торопливо разливала по стаканам молоко. Молоко пили на ходу, без хлеба, как воду, торопливо прощались и выскакивали на улицу. Когда подошел комбат, экипаж младшего лейтенанта Малешкина был в полной боевой готовности. Саня доложил, что все в порядке, все здоровы и никаких происшествий не было.

– Опять шапка задом наперед, – заметил комбат.

– А будь она проклята! – выругался Саня, поправляя шапку.

– По коням! – крикнул комбат и вскочил на самоходку.

Самоходка, рыкая, мягко покатила по снегу. С ходу проскочив канаву, выехала на дорогу и, круто развернувшись, ринулась в село.

– А Щербак, оказывается, неплохой водитель, – заметил Беззубцев.

Саня хотел сказать, что это у него сегодня так ловко получилось, а вообще-то... но раздумал и сказал, что Щербак – хороший водитель, Сане очень хотелось поговорить с комбатом.

– Говорят, наши взяли Житомир, Белую Церковь... Тикает фриц.

Комбат усмехнулся:

– Не очень-то шибко. Вчера под Казатином Шестому корпусу досталось. Особенно Пятьдесят первой бригаде. Один батальон погорел начисто.

– Да ну? – И Саня повернул на голове шапку козырьком назад.

– Немцы подбросили свежие части, эсэсовцев. Дивизию «Мертвая голова».

– «Тотен Копф», – перевел на немецкий язык Домешек.

– Во-во! – подхватил комбат. – Говорят, головорезы, смертники. Или сегодня, или завтра нас наверняка на них бросят.

– В штабе так говорят? – спросил Саня.

– И в штабе, да и по всему видно, – комбат схватился за полевую сумку. – Чуть почту не забыл. Держи, – и подал Сане пачку писем.

В основном письма были Щербаку и Бянкину. Домешек получал изредка, да и то от фронтовых друзей. Сане пришлось сразу два треугольника. Одно от матери, другое из Москвы. Но не от той, от которой давно уже перестал их ждать, а от совершенно другой и незнакомой – К. Лобовой. Саня хотел сразу же распечатать это письмо. Но в это время по колонне, от головы ее к хвосту, покатился крик: «Товарищи офицеры, к командиру полка!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.